

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль»

**ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА.
220 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ**

**Тезисы докладов
юбилейной научной конференции
4–5 июня 2026 года**

Москва
2026

Организатор конференции
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский Кремль»

Редакционная коллегия
А.Л. Баталов (ответственный редактор),
И.А. Воротникова, Е.В. Щербина

Редакторы
П.А. Алешин, Л.П. Анурова

Компьютерная подготовка текстового оригинала
В.А. Древненкова

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный
музей-заповедник «Московский Кремль», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Н.А. Азовцев	Новейшие поступления в коллекцию европейского художественного серебра. Дар О.П. Логинова	5
Е.Ю. Булгакова	Атрибуция нового поступления. Детское платье из собрания Музеев Московского Кремля: к истории лондонской фирмы <i>Mrs Washington Moon</i>	8
М.В. Вдовиченко	Новые археологические открытия в Московском Кремле в 2006–2026 годах	11
М.В. Вилкова	Коллекция тканей Музеев Московского Кремля: к истории формирования и изучения	14
М.П. Голованова	Собрание знамен Музеев Московского Кремля: традиции сохранения, экспонирования и реставрации	18
И.В. Горбатова	Рожденный Оружейной палатой. Кремлевский сервис как результат изучения памятников	22
М.Ю. Горькова	Комплекс костюмов царя Петра Алексеевича в собрании Оружейной палаты Московского Кремля	25
Т.В. Житкова	К вопросу о поступлении нескольких кладов в Оружейную палату Московского Кремля в XIX столетии	28
А.О. Залунин	Коллекция русской резной кости XVIII–XIX веков. Дар семьи Карисаловых	32
С.В. Зверев	История формирования нумизматической коллекции Оружейной палаты в XVIII–XX веках	35

С.А. Костанян	Комплектование библиотеки Музеев Московского Кремля: новые тенденции и традиции	38
Т.Н. Мунтян	Коллекция произведений фирмы Карла Фаберже. История комплектования. 1991–2026 годы	41
Е.Ю. Начарова	К истории фотосъемки Московского Кремля и экспонатов Оружейной палаты И.Ф. Барщевским в 1880-е годы	44
В.Р. Новосёлов	Сабля работы Ивана Бушуева из собрания Музеев Московского Кремля: новые данные согласно архивным документам	46
М.К. Павлович	От Мастерской и Оружейной палаты к Музеям Московского Кремля. Вехи исторической биографии. 1806–2026 годы	48
М.К. Павлович, И.А. Грачева	Личные архивные фонды и коллекции в Музеях Московского Кремля. История и итоги комплектования	51
Ф.М. Панфилов	Новый опыт реставрации и исследования коллекции государственных регалий	54
П.С. Смирнов	Новые поступления в фонд орденов и медалей Музеев Московского Кремля	57
А.Н. Чубинский	Музейное оружие и воссоздание исторической предметной среды	59
Е.В. Щербина	Оружейная палата: история отдела и современность	64

Н.А. Азовцев

Музеи Московского Кремля

**НОВЕЙШИЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИЮ
ЕВРОПЕЙСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЕРЕБРА.
ДАР О.П. ЛОГИНОВА**

В Оружейной палате Московского Кремля хранится одно из крупнейших в мире собраний западноевропейского художественного серебра. Процесс его формирования занял не одно столетие и был неразрывно связан с историей самой Оружейной палаты. Комплектование этого собрания продолжается и в наши дни. Неожиданным и важным для его пополнения событием стало поступление уникального комплекса произведений, который был передан в дар Музеям Московского Кремля заслуженным экономистом Российской Федерации, почетным радистом, коллекционером Олегом Павловичем Логиновым в 2025 г. Этот комплекс насчитывает 56 предметов, созданных в период с рубежа XV–XVI до середины XX в. Большую их часть составляют работы немецких мастеров, при этом среди них есть также изделия, выполненные в Англии, Франции, Польше и ряде других европейских стран.

Как известно, большинство произведений западного серебра, хранящихся в Оружейной палате, составляют предметы светского назначения, в то время как европейские церковные изделия представлены в кремлевском собрании в куда меньшем количестве. В этой связи особый интерес представляет наличие в составе дара нескольких образцов литургической утвари: трех потиров (два из них были переданы в комплекте с дискосами) и кивория. В рамках этой группы самым ранним является литургический прибор, созданный, вероятно, еще до начала Реформации. В нее также входит потир конца XVI в. – редкий образец златокузнечного искусства небольшого немецкого города Линдау, расположенного в восточной части Боденского озера.

Среди произведений эпохи Возрождения и маньеризма преобладают работы, выполненные в Южной Германии. В количественном отношении наиболее многочисленную группу составляют произведения нюрнбергских златокузнецов, что неслучайно, ведь в XVI в. именно Нюрнберг был столицей европейского серебряного дела. Помимо выдающихся мастеров, создававших уникальные, неповторимые произведения, в этом городе работало значительное количество высокопрофессиональных

ремесленников. Их работы продавались на крупных международных ярмарках и пользовались большим спросом в самых отдаленных уголках Европы. Наглядное представление о наиболее распространенных в Нюрнберге типах изделий дают кубки и кружки работы Евстахиуса Хомана, Франца Дота, Андреаса Оттингера и некоторых других мастеров. Поступившие в дар памятники органично влились в хранящееся в Оружейной палате собрание нюрнбергского серебра, в котором уже имелось несколько изделий названных златокузнецов. Особое место в этой группе предметов занимает стакан, являющийся одним из немногих известных на сегодняшний день произведений мастера Пауля I Флиндта.

Наряду с нюрнбергскими работами, в состав дара входят четыре аугсбургские. Две из них представляют интерес как образцы использования техники черни, которая в целом не была характерна для Аугсбурга и пользовалась популярностью лишь в конце XVII – начале XVIII в. На двух других произведениях стоит клеймо известного мастера Корнелиуса Поппе, чьи изделия представлены как в Оружейной палате, так и в других российских и зарубежных музеях.

Значительная часть предметов была приобретена Олегом Павловичем на зарубежных аукционах, куда они, в свою очередь, попали в результате распродаж крупных частных собраний, существовавших во второй половине XIX – начале XX в. К ним относится крестильная кружка, ранее принадлежавшая известному австрийскому банкиру и коллекционеру Альберту Фигдору. Его собрание насчитывало несколько тысяч ценнейших произведений живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Продажа этого собрания в 1930 г. привлекла широкое внимание общественности, а в подготовке его каталога участвовали ведущие музейные специалисты Берлина и Вены.

Помимо сосудов для питья, в состав дара входят два кувшина – великолепные образцы стиля позднего барокко. Они относятся к «шлемовидному» типу, который вошел в моду в последней трети XVII в. В оформлении изделий прослеживается явная ориентация на французские образцы эпохи Людовика XIV. Определенное своеобразие им придает наличие под сливами литых маскарон в виде голов индейцев. По всей вероятности, оба предмета были созданы на Пиренейском полуострове, возможно в Португалии.

В группу произведений XVIII – начала XIX в. входят четыре работы английских златокузнецов. Среди них отдельного упоминания заслуживают две чайницы работы лондонского мастера Эдварда Фаррелла – одного из самых ярких представителей историзма в английском серебряном деле.

Особую известность ему принесли эффектные скульптурные композиции, выполненные в ходе сотрудничества с предпринимателем и торговцем серебром Кенсингтоном Льюисом.

В ряду предметов эпохи историзма отдельную небольшую группу составляют те, что были выполнены в немецком городе Ханау. Во второй половине XIX – начале XX в. там существовало сразу несколько крупных предприятий, которые специализировались на изготовлении «старинного» серебра. Они выпускали широкий спектр изделий, призванных удовлетворить возросший спрос на произведения предшествующих столетий. Их отличительной особенностью является наличие фальшивых клейм, близких по очертаниям к тем, которые можно увидеть на оригинальных памятниках XVI–XVIII вв.

Все переданные в дар Олегом Павловичем произведения отличаются высочайшим уровнем исполнения и стали достойным украшением кремлевского собрания. Они дают представление не только об основных этапах развития серебряного дела в Европе, но и о самобытности национальных художественных традиций. Эти памятники, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения и введения в полноценный научный оборот.

Е.Ю. Булгакова

Музеи Московского Кремля

**АТРИБУЦИЯ НОВОГО ПОСТУПЛЕНИЯ.
ДЕТСКОЕ ПЛАТЬЕ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ
МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: К ИСТОРИИ
ЛОНДОНСКОЙ ФИРМЫ *MRS WASHINGTON MOON***

Коллекцию светского костюма XVIII – начала XX в. Музеев Московского Кремля в 2024 г. пополнило легкое детское платье из белого хлопка, украшенное в технике английской прорезной глади (*broderie anglaise*) и сохранившее бирку изготовителя. Результаты документальных и библиографических изысканий, а также поиска аналогий, проведенных в ходе научной экспертизы платья, позволяют уточнить датировку и исторический контекст его создания в свете основных этапов и аспектов деятельности лондонской фирмы *Mrs Washington Moon*, ныне почти забытой, но во второй половине XIX в. считавшейся одним из флагманов детской моды в Европе.

Судя по иллюстрациям женских журналов и портретам Викторианской эпохи, подобные платья служили домашней дневной одеждой для детей одного-трех лет независимо от пола. Их носили по умеренно торжественным случаям, например во время визита гостей или фотосессии, причем крой, фасоны и характер декоративного оформления оставались устойчивыми на протяжении десятилетий. В этих обстоятельствах важно, что брендовый ярлык на внутренней стороне лифа платья из собрания Музеев Московского Кремля содержит не только название фирмы, но и ее лондонский адрес: *Mrs WASHINGTON MOON. / OUTFITTER. / 164. REGENT St.: LONDON*, – что помогает определить временные рамки создания предмета.

В середине XIX столетия по указанному адресу размещалась партнерская фирма *Capper, Son, and Moon* (с 1860 г. – *Capper & Moon*), предлагавшая покупателям «одежду для дам и младенцев, кровати и люльки, свадебное приданое, наборы белья для новорожденных». Согласно публикациям в прессе и торговых справочниках, в 1868 г. партнерство с семейством Кэппер было расторгнуто. С тех пор и вплоть до своего банкротства и переезда в 1886 г. фирма *Mrs Washington Moon* вела самостоятельную деятельность в доме № 164 на Риджент-стрит, что и было указано на ее брендовых ярлыках в качестве адреса конторы, склада и магазина (с 1886 г.

адрес на марке фирмы изменился). Таким образом, представляется обоснованным датировать исследуемый памятник периодом 1868–1885 гг., причем сопоставление студийных снимков второй половины XIX в. и детских платьев 1850–1900-х гг. из Государственного Эрмитажа, Музея Виктории и Альберта в Лондоне, Музея искусств округа Лос-Анджелес, Музея Метрополитен в Нью-Йорке, Художественной галереи Манчестера свидетельствует в пользу отнесения данного предмета одежды, скорее, к концу 1860-х – началу 1870-х гг. Вместе с тем не исключена возможность его создания в 1860–1868 гг., учитывая, что имя *Mrs Washington Moon* не раз появлялось на страницах английских газет как отдельная марка еще во время партнерства с Кэпперами (*The Illustrated London News*, October 12 1861; *Daily News (London)*, April 16 1864).

Во второй половине XIX в. детская одежда премиум-класса от *Mrs Washington Moon* была востребована не только в Великобритании, но и за ее пределами. Изделия фирмы приобретали в качестве подарка, например по случаю рождения ребенка, а позже передавали в семье по наследству. Как следует из рекламных объявлений в газете «Иллюстрированные лондонские новости», потенциальным клиентам *Mrs Washington Moon* бесплатно рассылались специальные брошюры с описанием моделей и указанием их стоимости. Продукция фирмы участвовала в международных выставках, ее высоко ценили даже в столице моды – Париже, о чем сообщает в 1879 г. обозреватель периодического издания «Рынок, биржа и магазин, а также Журнал домашнего хозяйства» (*The Bazaar, Exchange and Mart, and Journal of the Household*, vol. 21), провозгласивший *Mrs Washington Moon* «детским Вортом», или «Вортом юных» (англ. *juveniles' Worth*). Действительно, если в женской моде Викторианской эпохи, как и прежде, доминировали вкусы Парижа, то в сфере детской одежды именно Лондон задавал тон и выступал ориентиром. По мнению современников, немалая заслуга в этом принадлежала фирме *Mrs Washington Moon*, что и подчеркивалось сравнением ее с домом моды, основанным прославленным парижским кутюрье, уроженцем Линкольншира, Чарльзом Вортом.

Вступлению *Mrs Washington Moon* в число влиятельных европейских брендов детской одежды способствовало звание официального поставщика кронпринцессы Пруссии Виктории, принцессы Гессенской Алисы, принцессы Уэльской Александры, императрицы Австрии Елизаветы, королевы Греции (урожд. великой княжны Ольги Константиновны Романовой), королевы Нидерландов Вильгельмины. Их обращение к услугам *Mrs Washington Moon* можно считать крупным достижением фирмы, свидетельством соответствия ее изделий самым высоким стандартам. Одежда

от *Mrs Washington Moon*, по всей видимости, находилась в гардеробе многочисленных внуков королевы Виктории и отпрысков других монарших домов, путешествуя по всей Европе. На фотопортретах 1860–1870-х гг. из Королевской коллекции в Лондоне юные принцы и принцессы нередко предстают в белоснежных ажурных платьях, сходных по типу с исследуемым памятником, где главным приемом декоративного оформления является вышивка в технике английской прорезной глади, всплеск моды на которую приходится на этот период. Она позволяла более простым способом и в более практичном материале достичь визуального эффекта, сходного с роскошью и изяществом кружевных нарядов.

Изысканные изделия фирмы *Mrs Washington Moon*, представленные в музеях и частных собраниях, в дальнейшем, вероятно, будут привлекать все большее внимание коллекционеров и историков костюма, поскольку являются яркими образцами детской одежды второй половины XIX в., ознаменовавшейся не только формированием взгляда на детскую моду как на особое искусство, но и созданием одновременно стильной и удобной одежды, которая, не копируя моду для взрослых, следовала общим с ней эстетическим тенденциям.

М.В. Вдовиченко

Институт археологии РАН

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ В 2006–2026 ГОДАХ

В ходе археологических работ Института археологии РАН 2019–2021 гг. на территории Большого Кремлевского сквера в Московском Кремле были раскрыты остатки двух монументальных зданий – Старых и Новых Приказов¹.

В археологических исследованиях остатки Приказов XVI в. (1565 г., 1591 г.) впервые были зафиксированы в 1959–1960 гг., во время спасательных раскопок, проводимых совместной экспедицией Института археологии РАН и Музеев Московского Кремля. Тогда в траншее, проложенной по Боровицкой улице, были открыты несколько рядов белокаменных кладок. На сводном плане шурфов они были обозначены как «остатки зданий старых приказов XVI в.»². Зафиксированные фрагменты кладок были слишком обрывочны, чтобы составить хоть какое-нибудь представление о здании. Однако по их месту и ориентации в пространстве Кремля их принадлежность северному корпусу Приказов 1591 г. была очевидна. В раскопе 2019–2021 гг. фрагмент здания Приказов XVI в. оказался намного более показательным для объективной оценки архитектуры исчезнувшего памятника. Обнаруженные каменно-кирпичные кладки XVI в. в сумме простирались на 9,13 м по направлению запад-восток и на 7,5 м по направлению север-юг. Они включали в себя остатки западной продольной стены восточного корпуса здания с каменным крыльцом и ступенями, поперечной внутренней стены и хорошо сохранившегося кирпичного пола двух внутренних помещений.

Опираясь на совмещения архивных документов и современного плана сквера, удалось определить, что раскрытое крыльцо принадлежало Приказу Большого дворца, следовательно, в раскоп попала центральная часть восточного корпуса Приказов XVI в. По раскрытому фрагменту, содержащему кроме крыльца фундаментно-цокольную арку, а также сохранившимся архитектурным аналогам и историческим изображениям была сделана реконструкция нижних частей восточного корпуса Приказов XVI в.

Здание 1591 г. было сооружено с использованием конструктивных приемов, происходящих из ренессансной архитектуры (фундаментная аркада), и с ордерным фасадным декором. Наиболее ярким его элементом,

поддающимся гипотетической реконструкции, является портал проездной арки, ближайшим аналогом которого служат сохранившиеся порталы Смоленской крепости (1595–1602 гг.).

В раскопе 2019–2021 гг. были раскрыты 32 м фундамента северной стены Новых Приказов – здания, сооруженного в несколько этапов в период 1675–1703 гг. В процессе параллельных историко-архивных исследований была уточнена детальная хронология его возведения и определено, что расчищенный археологами фрагмент принадлежал частично зданию Военной коллегии (Разряду) и цокольной части подиума парных церквей в композиции набережных Приказов.

Комплексные историко-археологические исследования позволили совершить полную объемную реконструкцию здания Новых Приказов и сделать трехмерную модель комплекса³. В решении вопроса об особенностях архитектуры Новых Приказов исключительную роль сыграл рисунок-чертеж из коллекции Фридриха Вильгельма фон Берхгольца (Friedrich Wilhelm von Bergholtz), хранящийся в Национальном музее Стокгольма (Швеция) (Nationalmuseum, Stockholm, inv. no. NMN THS 9076:55).

В 1769–1772 гг., перед планировавшейся глобальной реконструкцией Кремля, комплекс был тщательным образом разобран. За весь период долгого строительства и последующего существования в его архитектуре отразились сменяющие друг друга художественные течения. Все эти стили нашли отражение на фасадах Новых Приказов, поэтому архитектуру комплекса можно «читать» как наглядную историю русской архитектуры второй половины XVII – первой половины XVIII в. с возможностью изучения каменного узора, нарышкинского стиля, анненского барокко и других классицизирующих течений XVIII в. применительно к гражданскому зодчеству.

Археологические работы 2019–2021 гг. всколыхнули новую масштабную волну изучения территории Московского Кремля, ключевого места в истории Российского государства и его культурного наследия. Здания Приказов XVI и XVII вв., известные до раскопок лишь по условным изображениям, обрели достоверную вещественность и точную привязку к месту в юго-восточной части Кремля. Это кремлевское крыло отныне может доказательно считаться колыбелью российского государственного аппарата – местом возникновения первых министерств.

Архитектура начальных правительственных зданий, как показали историко-археологические исследования, соответствовала их высокому государственному статусу. Фасады и конструкции обоих комплексов Приказов отражали новейшие течения современного художественного

и строительно-технологического развития России, основанные на обще-европейских достижениях. Оба здания имели на фасадах и в конструкциях классические в основе ордерные черты, а значит, несли идеи приведения хаоса к художественно оформленному порядку. Архитектура здания XVI в. демонстрировала ренессансные приемы и формы⁴, приспособленные отечественными зодчими к российским реалиям. Приказы XVII в. создавались в русле новой европейской художественной и политической жизни и показывали сложное сочетание европейских маньеристических и византийско-древнерусских приемов и форм, переосмысленных мастерами в региональный художественный стиль XVII в. – последнее своеобразное явление в русском искусстве перед его вхождением в XVIII в. в общеевропейское художественное поле.

¹ Коваль В.Ю., Макаров Н.А., Энговатова А.В., Панченко К.И., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Васильева Е.Е. Отчет об археологических исследованиях (раскопках, шурфовках, наблюдениях) в Московском Кремле в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 60714. Альбомы иллюстраций к отчету: № 60715–60716; Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Кузина И.Н., Васильева Е.Е. Отчет об археологических раскопках в Московском Кремле в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 64743. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 60744–60747; Макаров Н.А., Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Курмановский В.С., Кузина И.Н., Панченко К.И. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2020 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 68121. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 68122–68125; Коваль В.Ю., Модин Р.Н., Макаров Н.А. Отчет об археологических работах в Московском Кремле в 2021 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 71252. Приложения и альбомы иллюстраций к отчету: № 71253–71255.

² Воронин Н.Н. Отчет об археологических работах на территории Московского Кремля. 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2128, 2128а. Л. 1.

³ Вдовиченко М.В. Источники о сложении архитектурного облика набережных Приказов XVII в. // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2022. Вып. 267. С. 419–436; Вдовиченко М.В. Архитектура Приказов XVII века в Московском Кремле: на границе художественных стилей // Архитектурное наследство. СПб., 2022. Вып. 77. С. 37–54; Вдовиченко М.В., Еремеев В.Е., Затяева Е.К., Пророкова Е.Н., Фомичёва Ю.С. Опыт виртуальной трехмерной реконструкции здания Приказов XVII в. в Московском Кремле // Архитектурная археология = Architectural archeology, № 5 / Институт археологии Российской академии наук. М., 2023. С. 93–110; Вдовиченко М.В. Приказы: исторические свидетельства и архитектурные остатки // Неизвестный Кремль: археологические исследования 2018–2021 гг. М., 2025. С. 20–37; Вдовиченко М.В., Пророкова Е.Н., Фомичёва Ю.С. Новые Приказы: архитектурный облик, декор, создатели // Неизвестный Кремль: археологические исследования 2018–2021 гг. М., 2025. С. 38–53.

⁴ Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века: проблемы художественного мышления эпохи. М., 1996. С. 41–42.

М.В. Вилкова

Музеи Московского Кремля

КОЛЛЕКЦИЯ ТКАНЕЙ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Политические изменения, произошедшие в нашей стране в начале XX столетия, кардинальным образом отразились на истории формирования коллекций музеев. Не стала исключением и Оружейная палата. Коллекция драгоценных тканей, хранящаяся в Музеях Московского Кремля, абсолютно уникальна, а значение ее памятников для истории России и российской государственности невозможно переоценить. Она включает многие цельные комплексы (знамен, шпалер, коронационных и церемониальных костюмов, богослужебных облачений и предметов убранства кремлевских храмов и монастырей), имеющие большую историческую, мемориальную и художественную ценность. В 1923 г. в Оружейной палате был создан отдел шитья и тканей. В 1924 г. директор Оружейной палаты Д.Д. Иванов писал: «Отдел шитья и ткани в Оружейной палате является собранием, не имеющим равных в мире. Такого подбора высококачественных предметов в таком разнообразии, в образцах такого выдающегося значения и в такой сохранности трудно найти где-либо в другом музее».

В рамках настоящего исследования представляется необходимым выстроить хронологию истории отдела, а затем сектора, тканей и проследить те изменения, которые происходили в составе отдела, в характере выполняемых работ и задач, в отчетности, структуре, распределении обязанностей, месте и условиях хранения, а также реставрации уникальных кремлевских памятников. Но не менее удивительны и люди – талантливые, образованные, самоотверженные и жертвенные, благодаря которым не только сохранены национальные сокровища, но и многократно приумножены наши знания о них.

Основополагающую роль в истории кремлевского собрания тканей сыграл удивительный ученый Владимир Карлович Клейн. После кончины первого заведующего отделом тканей и шитья, известного историка и специалиста по древнерусскому шитью В.Т. Георгиевского, с апреля 1924 г. Главнаукой Наркомпроса хранителем и заведующим отделом был назначен В.К. Клейн. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди ученых и до своего назначения возглавлял подотдел шитья и тканей Исторического музея. Вклад В.К. Клейна в становление научной и хранительской

школы Оружейной палаты невозможно переоценить. Очень важным представляется тот факт, что еще в дореволюционные годы, будучи действительным членом Московского археологического института, преподавателем кафедры истории русского искусства, он был привлечен к описанию облачений Синодальной (бывшей Патриаршей) ризницы. Именно им впервые были разработаны требования к научному описанию памятников шитья и тканей, к созданию особых условий для хранения наиболее ценных и редких артефактов, а также сформулированы актуальные и по сей день принципы научной реставрации. Этот академический, тщательно продуманный и структурированный подход впоследствии лег в основу музейной работы кремлевских музеев уже в новых исторических условиях, когда Оружейная палата принимала в свой состав и памятники Патриаршей ризницы, и соборные и монастырские ценности. В 1918–1919 гг. Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса В.К. Клейн был назначен экспертом Комиссии по приемке всего церковного имущества Кремля. С ним же трудилась и Н.П. Шабельская, дочь крупнейшего коллекционера русской старины и прежде всего народного костюма, вышивки и кружев Н.Л. Шабельской. Наталья Петровна непосредственно участвовала в собирании коллекции, ее описании, подготовке к различным выставкам, а также в работе вышивальных мастерских, где выполняли вещи по старинным образцам с сохранением традиционной техники. Еще в дореволюционные годы она привлекалась в Кремль Комитетом по составлению научной описи Патриаршей ризницы для работы с древними памятниками шитья, хранившимися в Патриаршей ризнице и кремлевских монастырях. После революции Н.П. Шабельская, будучи исключительным знатоком своего дела, являлась сотрудником отдела Наркомпроса по делам музеев и охране памятников искусства и старины, по совместительству служила в Оружейной палате, а также фактически возглавляла Комиссию по реставрации древнерусского шитья. В журналах учета реставрационных работ в отделе тканей и шитья Оружейной палаты, хранящихся в ОРПГФ Музеев Московского Кремля, сохранились подписи Н.П. Шабельской, утверждавшей реставрационные задания при поступлении предметов в работу и оценку выполненной реставрации.

В первые послереволюционные годы огромный объем работы по приемке и описанию переданных в Музей предметов из кремлевских храмов и монастырей лег на плечи Н.П. Шабельской, М.Н. Александровой-Дольник, Е.Н. Муратовой, что зафиксировано в материалах Комиссии по приемке церковного имущества Кремля. Уровень образования, опыта и эрудиции

позволял им при составлении описей вносить изменения в атрибуцию памятников, которые многим позже подтверждали научные исследования.

Очень интересные сведения дают сохранившиеся в ОРПГФ Музеев Московского Кремля отчеты «о состоянии и деятельности отдела шитья и тканей Оружейной палаты» в 1920-е гг. Например, в отчете за 1922 г. содержатся данные о научной инвентаризации более шестисот предметов и о демонтаже завершившей свою работу выставки тканей и шитья. Параллельно сотрудники отдела занимались и уборкой, проветриванием, уничтожением вредителей, чисткой сорока витрин Каретного зала с предметами конюшенной казны. В 1922 г. на должность старшего помощника хранителя отдела шитья и тканей была принята М.М. Денисова, трудившаяся в Оружейной палате до начала 1936 г. Вначале она регистрировала памятники шитья и тканей, поступившие в Оружейную палату из храмов и монастырей, а в 1924 г. ей были поручены сверка, прием и хранение коллекции парадного конского снаряжения XVII в., исследованию которой она посвятила немало сил. После ареста В.К. Клейна в 1935 г. и перехода М.Н. Левинсон-Нечаевой и М.М. Денисовой в Исторический музей в изучении кремлевского собрания тканей наступает вынужденная пауза.

В 1960-е гг., после передачи Музеев Московского Кремля в ведение Министерства культуры СССР, происходят изменения в структуре музея: расширяется штат сотрудников, развивается научно-исследовательская работа. В 1963 г. фонд тканей получает после более чем 20-летнего перерыва своего хранителя: им становится Н.Т. Климова, перешедшая в Музей из Государственных центральных художественно-реставрационных мастерских. Но она проработала в данной должности всего лишь год, как и сменившая ее Г.А. Киселева. В 1965 г. фонд принимает В.И. Маркова, а в 1973 г. – И.И. Вишневская. Новый этап в истории кремлевской коллекции тканей наступает в 1987 г., когда после открытия новой экспозиции Оружейной палаты происходит реструктуризация музея и учреждается сектор тканей как подразделение научно-хранительского отдела «Оружейная палата» во главе с заведующей сектором И.И. Вишневской. После перераспределения собрания фонда тканей между несколькими хранителями исследование коллекций вышло на новый научный уровень и масштаб. Появилась возможность более углубленно изучать отдельные собрания, что выразилось в подготовке и публикации фундаментальных каталогов и защите диссертаций. В 1987 г. И.И. Вишневская защитила кандидатскую диссертацию по теме «Историко-художественное значение иранских тканей Оружейной палаты: к проблеме взаимодействия русского прикладного искусства с художественной культурой соседних стран в XVII веке».

В 2001 г. хранитель коллекции знамен и шпалер М.П. Голованова защитила диссертацию по теме «Российские государственные знамена XVIII–XIX вв.: источниковедческое исследование», а позднее, в 2019 г., вышел в свет фундаментальный научный каталог, подготовленный М.П. Головановой, – «Знамена второй половины XVI–XX века» в двух томах. Хранитель коллекции костюмов и предметов светского быта XVIII – начала XXI в. С.А. Амелёхина, в настоящее время заведующая сектором тканей, в 2003 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Культурно-историческая эволюция формы и символики церемониальных костюмов при Российском императорском дворе XVIII–XIX вв.», а в 2016 г. вышла ее монография «Церемониальный костюм Русского императорского двора в собрании Музеев Московского Кремля». Хранителем фонда русских тканей XVIII – начала XX в. Н.А. Смирновой подготовлен к изданию каталог собрания «Архиерейские облачения XVIII – начала XX века».

Особо хотелось бы вспомнить Н.А. Маясову, многолетнего исследователя и крупнейшего специалиста по древнерусскому лицевому шитью, заместителя директора Музеев Московского Кремля по научной работе. Помимо многочисленных статей, посвященных отдельным памятникам или небольшим группам, прекрасным и долгожданным для научного сообщества итогом ее научной деятельности стала публикация в 2004 г. научного каталога «Древнерусское лицевое шитье».

Важной вехой в истории коллекции явилась реализация в начале 2000-х гг. масштабного проекта по переоборудованию фондохранилища тканей, задуманного ранее сотрудниками сектора. Специально разработанное уникальное оборудование было выполнено фирмой «Дриада». За основу при разработке единого модуля для многосоставных шкафов послужил походный бархатный сундук царя Алексея Михайловича, также хранящийся в фонде тканей.

Хотелось бы вспомнить всех людей, кто внес вклад в меру своих сил и способностей в формирование, сохранение и изучение уникальных коллекций, и поныне являющихся драгоценнейшей жемчужиной собрания Музеев Московского Кремля.

М.П. Голованова

Музеи Московского Кремля

СОБРАНИЕ ЗНАМЕН МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: ТРАДИЦИИ СОХРАНЕНИЯ, ЭКСПОНИРОВАНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

В самых ранних сохранившихся документах Оружейного приказа – Росписях Оружейной казны 1638/1639, 1642/1643 и 1647 гг. – наряду с предметами вооружения царского Большого наряда было учтено 18 знамен с живописными композициями и шитыми образами, а также хоругвь «писана по лазоревой камке». Позднее знамена направлялись «на службу» в полки, но первое в списках полотнище «Великий Стяг» с грандиозной уникальной композицией («...по лазоревой тафте писано видение Ивана Богослова...») и титулом царя Ивана Грозного в настоящее время хранится в собрании Музеев Московского Кремля.

На шести древнейших знаменах из кремлевского собрания указаны наименования полков, титул царя Алексея Михайловича и даты. Знамена Большого, Сторожевого, Особого большого полка и Большого наряда (артиллерии) были созданы в 1653–1654 гг., к походу под Смоленск; еще два, 1653/1654 и 1658/1659 гг., повторили композицию знамени «Великий Стяг» Ивана Грозного с видением Иоанна Богослова.

Замысел иконографии знамен, несомненно, сложился в кругах, близких к высшей церковной и государственной власти. Композиции на полотнищах формировали идеологическую программу похода, в которую были заложены идеи небесного покровительства, концепция духовного единства всей русской земли, призыв к помощи святых в предстоящих военных действиях.

Над созданием знамен работали царские изографы, лучшие художники того времени: знаменщик и иконописец приказа Серебряной палаты Симон Ушаков и жалованные иконописцы Оружейной палаты Степан Рязанец и Федор Козлов. На тонком шелке они создали композиции, которые стали шедеврами живописи XVII в. Знамена произвели большое впечатление на очевидца – архидиакона Павла Алеппского, посетившего Москву: «Эти чудесные, огромные знамена приводят в удивление зрителя своей красотой, выполнением изображений на них и позолотой...» Далее он уточняет: «...на прочих знаменах... был написан образ святого Георгия или святого Димитрия и прочих храбрых витязей-мучеников...»

На полотнищах 50 знамен сотен Государева полка были образы святых – защитников от видимых и невидимых врагов, покровителей всего государства и отдельных его городов и областей. Знамена сотен побывали в походах «под Смоленским, под Вилнею и под Ригою» в 1654–1656 гг. и «на иных ево Великого Государя службах в полках». Хранились они в казне, в Оружейной палате, и участвовали в смотрах и церемониях: в 1664 г. в смотре на Девичьем поле, а затем в церемонии встречи посольства английского короля Карла II, организация которой была поручена оружничему Богдану Матвеевичу Хитрову. На смотре 1664 г. несли знамя царского арсенала – Оружейной палаты, написанное жалованным живописцем Оружейного приказа Станиславом Лопуцким, которое он «на светлое Христово Воскресение» поднес государю.

В 1673–1675 гг. по именному указу царя для оружничего Б.М. Хитрово в Оружейной палате было выполнено 50 новых полотнищ с образами святых воинов «слово в слово» по образцу старых, которые требовали замены из-за ветхости. Работа велась ведущими живописцами: Иваном Салтановым, Дорофеем Ермолаевым Золотаревым и Иваном Безминым. Часть знамен была поднесена царю на Пасху в 1675 г. Изображения небесных воинов, имевшие неизменную иконографическую схему, были наделены индивидуальными чертами и воинскими атрибутами. Эмблематичность образов создавала единый визуальный ряд, а легкая струящаяся ткань полотнищ порождала эффект движения небесного воинства, формируя во время парада войска и на поле боя особое сакральное пространство. Восемь из этих знамен сохранились до наших дней.

К 1686/1687 г. в Переписной книге Оружейной казны знамена были зафиксированы как боевые реликвии, хранящиеся вместе с воинскими регалиями. Согласно описи Оружейной палаты 1701 г., в ней хранилось 21 знамя из состава нынешнего собрания.

Реформы по созданию регулярной армии, проводимые Петром I, преобразовали и русскую знаменную систему. В 1700 г. в мастерских Оружейной палаты были выполнены знамена для «новоприборных» солдатских полков с новой символикой.

С 1711 г. знамена стали считаться частью полкового имущества с установленным сроком службы, по истечении которого они передавались на хранение в местные арсеналы (цейхгаузы).

В XVIII в. описи кремлевских хранилищ фиксировали наличие знамен в Оружейной палате и отмечали их весьма ветхое состояние. Пополнялись отдельными предметами, «новонайденными» или «не показанными»

в старых описях», кремлевское собрание к концу XVIII в. насчитывало уже 46 знамен XVI–XVIII вв.

Указ императора Александра I от 10 марта 1806 г. придал Оружейной палате статус музея. Согласно утвержденным правилам, новые экспонаты должны были поступать в царскую сокровищницу только «с высочайшего разрешения».

В 1820–1830-е гг. по личным распоряжениям императора Николая I в собрание знамен поступил «для хранения вместе с другими отечественными достопамятностями» целый ряд раритетов: знамя князя Д.М. Пожарского; знамя, по легенде связанное с именем князя Дмитрия Донского (атрибутировано позднее как XVII в.); группа знамен из Тобольска (в том числе покорителя Сибири Ермака). Отдельные знамена обнаружались в Главном архиве Министерства иностранных дел (полковое 1659 г. и знамя сотенное Государева полка 1675 г.) и на Колымажном дворе (Тербовое знамя царя Петра Алексеевича 1696 г.). Таким образом, в первой половине XIX в. собрание Оружейной палаты пополнилось 34 знаменами.

С конца 1850-х гг. в Оружейной палате началась работа по составлению полной подробной научной описи. В 1863 г. по предложению министра императорского двора В.Ф. Адлерберга на основании представления помощника директора Московской Оружейной палаты Л.П. Яковлева в кремлевский музей из Достопамятного зала Санкт-Петербургского Артиллерийского арсенала поступили 79 знамен, связанных с событиями Северной войны 1700–1721 гг.

В 1884 г. собрание, насчитывавшее около 300 русских и зарубежных знамен XVI–XIX вв., было полностью опубликовано в специальном томе Описи Московской Оружейной палаты (Ч. 3, кн. 1: Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты).

Размещались знамена в экспозиции Оружейной палаты, которая первоначально была развернута в специальном здании, построенном для музея по указу императора Александра I в 1806–1810 гг. Коллекции музея рассматривались как сосредоточение исторической памяти нации; знамена расположили под портретами государей, а также составили отдельные декоративные композиции («трофеи»).

В 1831 г. из-за разрушительного воздействия условий хранения (отсутствия печей в здании) по распоряжению императора Николая I полотнища свернули и поместили в шкафы; одновременно они были запечатлены на рисунках.

С 1851 г., после переезда музея в новое здание у Боровицких ворот, русские знамена были представлены в Зале оружия, а в Трофейном зале

размещались шведские трофеи, польские и венгерские знамена. Центром экспозиции регалий было государственное знамя, которое после участия в коронационных церемониях сохранялось в Оружейной палате.

Физические характеристики предметов из тканей делают их уязвимыми для публичной демонстрации. Знамена XVII в. требовали починки еще в процессе их использования, для чего в походах при русских полках всегда находились живописцы. В 1861–1862 гг. под наблюдением художника Д.М. Струкова с участием служащих Оружейной палаты были проведены работы по укреплению знамен с тем, чтобы спасти их от дальнейшего разрушения: полотнища наклеили с помощью мучного клея на хлопчатобумажный тюль, укрепили шелковыми нитями; были заменены дровки.

В настоящее время для хранения этих уникальных памятников в Музеях Московского Кремля созданы особые условия: в фондохранилище тканей установлено специальное оборудование, проводятся превентивные и профилактические мероприятия с участием реставраторов. В последние годы в секторе реставрации тканей успешно применяются современные методы консервации (включая временную), накоплен опыт по реставрации отдельных знамен особой сложности. В 2003 г. художником-реставратором высшей категории Л.А. Барбиновой начата работа по созданию комплексной программы исследований по реставрации и консервации знамен.

Реставрация кремлевского собрания знамен, насчитывающего 180 памятников, будет способствовать изучению и сохранению национального достояния, знакомству научной общественности и широкой публики с уникальными источниками по истории, культуре и искусству России.

Уникальная коллекция самых древних знамен Русского государства целенаправленно формировалась в Оружейной палате на протяжении трех столетий. Уже современниками она признавалась заслуживающей особо тщательного сохранения. Изучение музейной коллекции стало основанием для крупного поступления в музей в XIX в. Сегодня собрание Музеев Московского Кремля включает памятники, связанные с историей российской государственности и воинской славы, с именами правителей и полководцев. Почти все они относятся к числу редких и исключительных по своей мемориальной ценности предметов.

И.В. Горбатова

Музеи Московского Кремля

РОЖДЕННЫЙ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТОЙ. КРЕМЛЕВСКИЙ СЕРВИЗ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

В 1838 г. в Московском Кремле началось строительство Большого Кремлевского дворца – новой императорской резиденции. Проект возглавил основоположник русско-византийского стиля К.А. Тон. Под его началом работал Ф.Г. Солнцев – художник и знаток древностей, который стал автором в том числе дизайна знаменитого Кремлевского сервиза.

Федор Григорьевич Солнцев родился в семье крепостных графа А.И. Мусина-Пушкина. Заметив талант мальчика, граф отправил Федора на обучение в Санкт-Петербург, в Академию художеств. Хотя Солнцев был весьма успешным студентом, его настоящим призванием стала не живопись (известно всего две его живописные работы), а графика и изучение древнерусского искусства. По поручению президента Академии художеств А.Н. Оленина он отправился в Москву, где в течение более десяти лет занимался изучением сокровищ Оружейной палаты и фиксировал их в своих акварелях. Итогом этой работы стала первая публикация исторических ценностей страны – монументальный труд «Древности Российского государства» в шести отделениях, изданный в Москве в 1849–1853 гг. Некоторые древние предметы, изученные художником, стали основой для дизайна Кремлевского сервиза, являющегося настоящим манифестом русского исторического стиля в фарфоре.

Дворцу требовался «рабочий», но репрезентативный сервиз для торжественных приемов и коронационных обедов. Главным залом для официальных церемоний служила Грановитая палата, центральный столп которой традиционно украшался поставцом – открытым шкафом-витриной с драгоценной посудой. Фарфор должен был соответствовать этой роскоши и органично вписаться в древний интерьер.

В качестве образцов для предметов сервиза Ф.Г. Солнцев выбрал шедевры ювелирного искусства XVII в. – тарелку царя Алексея Михайловича (мастерские Московского Кремля, мастера Леонтий Константинов и Иван Юрьев, 1667 г.) и ручной прибор, созданный по заказу царя Алексея Михайловича (Константинополь, греческие мастера, 1657–1658 гг.), впоследствии подаренный царевичу Алексею Петровичу его бабушкой,

царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной. Выбор был не случаен: это памятники искусства эпохи, предшествовавшей петровским реформам, в котором переплелись традиции Руси, Византии и Востока. Солнцев называл стиль сервиза «русско-византийским», подчеркивая преемственность культур.

Большинство предметов сервиза было выполнено Императорским фарфоровым заводом в 1837–1839 гг. Его можно условно поделить на три части: две «золотые» и одну «белую».

Первая «золотая» часть предназначалась для закусок и горячего. Декор входящих в нее предметов копирует отделку чаши украшенной яркими эмалями лохани-стоянца из ручной посуды: в центре – ажурный медальон, от которого расходятся кипарисы (характерный турецкий орнамент).

Примечательно, что большие подстановочные тарелки из этой группы изделий изготовил частный завод братьев Корниловых, так как Императорский фарфоровый завод не успевал выполнить огромный объем заказа (по 1 000 предметов каждого вида) в срок.

«Белая» часть предназначалась для супа. Белизна фарфора должна была давать отдых глазам от обилия позолоты. Борты изделий украшены «плетенкой», в которую включены изображения государственных регалий – Шапки Мономаха и Большой императорской короны.

В оформлении десертной «золотой» части использован рисунок тарелки царя Алексея Михайловича 1667 г. Текст вокруг центральной мишени на предметах был изменен: вместо имени и титула Тишайшего царя появился титул Николая I – «Император и самодержец Всероссийский».

Почти все предметы сервиза (вазы-таццы, чаши, геридоны) имеют «металлические» формы, заимствованные из серебряных оригиналов. Это вызывало критику поздних исследователей. Например, Н. Вольф в начале XX в. отмечал, что Ф.Г. Солнцев, не зная специфики керамики, создал проект фарфоровых изделий, которые выглядят как выполненные из золота и эмали.

Однако именно в этом и заключался замысел художника – создать иллюзию драгоценного «узорочья». Он не просто копировал старину, а реконструировал дух допетровского царского пира, где золото, эмаль и яркий орнамент символизировали величие власти.

Кремлевский сервиз успешно использовался по назначению в течение десятилетий. Комплект постоянно пополнялся: на многих предметах стоят марки императоров Александра II, Александра III

и Николая II. Дополнения к сервизу заказывались на заводах Корниловых и Попова.

После революции сервиз постигла участь многих царских сокровищ: его значительная часть была продана советской властью за рубеж через контору «Антиквариат». До нашего времени дошло около 1/5 части первоначального состава. Сегодня основными хранителями сервиза являются Музеи Московского Кремля и Музей Хиллвуд в Вашингтоне, США.

Кремлевский сервиз остается уникальным памятником. В отличие от более поздних образцов русского стиля, использовавших народные или сказочные мотивы, он является воплощением благородной ностальгии по древней роскоши и самым необычным из великих имперских фарфоровых ансамблей.

М.Ю. Горькова

Музеи Московского Кремля

КОМПЛЕКС КОСТЮМОВ ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА В СОБРАНИИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Наиболее крупная коллекция гардероба Петра Великого хранится в настоящее время в Государственном Эрмитаже. Ее основу составляют изготовленные по европейской моде костюмы, которые царь носил с начала XVIII в. В то же время в собрании Оружейной палаты Московского Кремля также имеется комплекс царских костюмов, не столь многочисленный, но безусловно значимый и уникальный: его ядром являются платья дореформенного периода, относящиеся к типу древнерусского костюма. Комплекс включает в себя порядка 20 предметов одежды, принадлежавших Петру I. Из них 17 упоминаются в описях Мастерской и Оружейной палаты конца XVII в., а три поступили в музей позднее, в XIX – первой трети XX в. При этом архивные документы, описи царского платья и кроильные книги конца XVII в. свидетельствуют о том, что царский гардероб был весьма разнообразен и обширен.

Одна из самых ранних описей платья царя Петра Алексеевича была составлена в марте 1689 г. Всего в ней перечислено: одно царское платно, 10 верхних кафтанов, 7 холодных кафтанов, 4 «исподних» теплых кафтана (атласных с лицевой стороны, с меховыми «исподами»-подкладками), 5 «исподних» холодных кафтанов (атласные, некоторые из них подпушены собольим мехом), кафтаны «потешные», зипуны теплые и холодные.

Следующая опись гардероба государя относится к 1691 г. В нее вошли 11 царских платен, среди которых указаны два, сделанных к церемонии венчания на царство. Также в документе перечислены 5 кафтанов верхних золотых, 6 кафтанов верхних бархатных, 14 кафтанов верхних теплых (многие из них вычеркнуты и, возможно, были отданы в расход), 6 кафтанов «исподних», 27 кафтанов верхних холодных, 16 кафтанов «исподних» холодных, 11 кафтанов верхних с узкими рукавами, 8 зипунов теплых, 3 зипуна коротких, «отставное» (предназначенное для продажи) платье, к которому относились спорки с верхних и «исподних» кафтанов.

В феврале 1700 г. царь Петр Алексеевич распорядился выставить на продажу вышедшее из употребления «отставное» платье, как свое, так и своих предшественников, хранившееся в кладовых Мастерской палаты. Перед продажей каждый предмет одежды был оценен и внесен в специальную «ценовую книгу».

Следующая опись казны Мастерской палаты царя Петра Алексеевича, составленная в 1702 г., содержит гораздо меньше предметов царского гардероба по сравнению с описью 1691 г. В основном это те вещи, которые хранятся в собрании Музеев Московского Кремля и по сей день.

Следующая опись Мастерской палаты 1720 г. дублирует предыдущую опись 1702 г., в ней отмечены все те же предметы, но имеются также пометы с комментариями об изменениях сохранности вещей. Например, на царском платне и кафтанах стали отсутствовать меховые опушки и подпушки, у суконной шапки «соболи сверху и испод от моля попорчены». В этом же источнике впервые появляются не учтенные в описи 1702 г. «кафтан русской суконной крапивной» и «полукафтаны миткалинные белые».

Уникальность кремлевской коллекции гардероба царя Петра Алексеевича заключается в том, что в ее состав входят единственные в своем роде сохранившиеся до наших дней предметы, бывшие частью так называемого Большого наряда и относящиеся к категории царских регалий, в том числе небольшого размера царские бармы и платно, изготовленные, предположительно, к восшествию Петра Алексеевича в возрасте 10 лет на царский престол вместе со своим сводным братом Иваном Алексеевичем в 1682 г.

Другое сохранившееся царское платно из золотной парчовой ткани (итальянского аксамита) было скроено для 19-летнего государя в 1691 г. Об этом свидетельствуют записи кроильной книги, по которым довольно точно узнается узор ткани, материал подкладки, золотное кружево. Кроме того, в ней указано, что платно имело соболью опушку, утраченную уже в начале XVIII в.

В собрании Музеев Московского Кремля сохранились пять кафтанов одинакового кроя, названных в музейной документации «становыми». Они представляют собой совершенно одинаковые по форме длинные одежды с короткими и очень широкими рукавами. Различаются они только материалом. Первый кафтан выполнен из узорной парчовой ткани – гладкого аксамита, подобного тому, из которого было изготовлено платно. Второй изготовлен из бархата песочного или темно-желтого цвета, третий – из сукна темного сине-зеленого («осиновое») цвета, четвертый кафтан – из белой, чуть желтоватой обьяри (типа муара). Пятый кафтан выполнен

из плотной шелковой рубчатой ткани розовато-брусничного цвета, которая по описям и документам проходит под названием «байберек».

Отдельно стоит отметить хранящийся в кремлевской коллекции кафтан из песочного атласа. Кроем спинки он напоминает кафтаны, перечисленные выше, однако у него совершенно иной крой рукавов: очень длинные, широкие сверху и сужающиеся книзу: по-видимому, такие рукава собирались крупными буфами, фиксируясь на запястьях. Атлас очень ветхий, сохранился фрагментарно. Для сохранения целостного вида кафтан был сдублирован штопкой на бледно-зеленый холст.

В отдельную группу можно выделить три суконных кафтана, известных как «русский», «польский» и «венгерский». В конце XVII столетия русский светский костюм начал испытывать влияние моды Польши и Венгрии – ближайших западных соседей России. Кафтаны становились уже, их силуэт все более приближался к очертаниям фигуры.

Особо следует выделить так называемый дождевой кафтан из малиновой тафты, проклеенный сверху тонким сукном, представляющий собой редчайший образец подобного рода платья. Ни отделки, ни подкладки кафтан не имеет.

В собрании Оружейной палаты сохранился также зипун царя Петра Алексеевича, стеганный на вате продольными полосами. В описях царского платья 1689 и 1691 гг. указаны «стежные зеленые зипуны», очень близкие по описанию к сохранившемуся экземпляру.

Интерес представляют двое штанов так называемого древнего кроя: одни – из алой с серебром обьяри, другие – из красной пестряди, с большими надставками сверху и внизу из желтой камки.

В XIX столетии в Оружейную палату поступили принадлежавшие царю Петру Алексеевичу сапоги-ботфорты и деревянная трость.

Последним предметом, вошедшим в кремлевскую коллекцию гардероба Петра I, является черный бархатный костюм голландского покроя, поступивший в Оружейную палату из Государственного Русского музея в 1931 г.

Отметим, что дореформенный гардероб Петра Великого сохранился крайне фрагментарно, большинство вещей государя, вышедших из употребления, в связи с активным внедрением европейского платья вышли «в расход», то есть были распроданы или отданы для перешивания и вторичного использования в виде различных предметов быта. В царской казне были оставлены, по всей видимости, лишь предметы, наиболее памятные и ценные для государя либо целые и хорошо сохранившиеся.

Т.В. Житкова

Музеи Московского Кремля

К ВОПРОСУ О ПОСТУПЛЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ КЛАДОВ В ОРУЖЕЙНУЮ ПАЛАТУ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ В XIX СТОЛЕТИИ

Коллекция Оружейной палаты изначально формировалась из древних кремлевских казнохранилищ, в XIX столетии она также активно пополнялась за счет поступлений от частных лиц, в том числе в нее были переданы клады, представляющие историческую и художественную ценность.

Одним из самых известных является Рязанский клад 1822 г., найденный при проведении ремонта дороги близ городских валов. Помещик передал сокровища рязанскому губернатору князю А.А. Лобанову-Ростовскому, а тот – генерал-адъютанту императорского двора А.Д. Балашову, генерал-губернатору Рязанской губернии. Тот доложил о находке императору Александру I, который отдал распоряжение передать предметы на хранение в коллекцию Эрмитажа. В 1824 г. исследование артефактов государь поручил историку, археологу, члену Санкт-Петербургской Академии наук А.Н. Оленину. Академик сделал вывод, что Старорязанский клад состоит из предметов мужского и женского убранства великокняжеского достоинства. Золотые бляхи из клада именно А.Н. Оленин назвал «бармами», и, видимо, именно на его рабочем столе из разрозненных предметов находки была составлена первая и впоследствии ставшая экспозиционной реконструкция нагрудного комплекта барм, после чего предметы были возвращены А.Н. Олениным в Эрмитаж. В 1831 г. Старорязанский клад был передан из Эрмитажа в Оружейную палату.

Также в Оружейной палате хранятся предметы из так называемого Киевского клада 1846 г. Нам удалось найти переписку, предшествующую передаче украшений в музей. Седьмого марта 1846 г. директору Оружейной палаты Михаилу Николаевичу Загоскину было направлено письмо президента Московской дворцовой конторы, из которого следует, что клад был более многочислен по сравнению с поступившим по описи комплексом предметов. Помимо серег в него входили крест, два браслета (запястья) и гривна: «Г. Генерал-Адъютант Адлерберг при отношении своем... препроводил ко мне по Высочайшему повелению, для хранения в Оружейной палате, поднесенныя Его Величеству отставным Гвардии

поручиком Александром Анненковым древние вещи, найденные в земле, в принадлежащем ему саду в г. Киеве, близ Десятинной церкви, а именно: серебряный крест, две пары золотых серег, два золотых перстня, одну пару серебряных запястьев и Киевскую серебряную гривну. Препровождая при сем к Вашему превосходительству означенные вещи для хранения в Оружейной палате, прошу покорнейше о получении оных меня уведомить. Президент Московской Дворцовой конторы и обер-гофмейстер князь Александр Урусов. 1846 г. марта 7». В докладной записке от 11 марта 1846 г. директор Оружейной палаты М.Н. Загоскин рапортовал о получении этих украшений и помещении их в Оружейной палате «вместе с прочими вещами». В Опись Московской Оружейной палаты для записи вновь поступающих вещей с 1836 по 1853 гг. эти предметы были внесены 7 марта 1846 г. под № 206–212.

Тульский клад известен мало, история его находки исследована не была. При поступлении в Оружейную палату в 1881 г. в инвентаре была сделана следующая краткая запись: «...от Гг. Вознесенских в дар Оружейной палате... [предметы] внесены по Высочайшему повелению, объявленному Господином Министром Императорского Двора от 1 июня 1881 г. за № 1178». Обнаруженная нами переписка позволила прояснить обстоятельства его находки и передачи в музей. Серебряные украшения были найдены на земле графа Алексея Павловича Бобринского (1826–1894), владельца родовой усадьбы Бобринки в Тульской губернии, в той части его земель, которую арендовали ефремовские купцы братья Василий Иванович и Петр Иванович Вознесенские. Точная дата находки в документах не отражена. Несколько лет украшения оставались у П.И. Вознесенского, пока известие о кладе не дошло до губернского предводителя дворянства Федора Александровича Свечина. В 1880 г. он запросил у Вознесенских найденные предметы, и через графа Бобринского они были переданы в Оружейную палату.

Пятнадцатого октября 1880 г. Ф.А. Свечин по просьбе директора Оружейной палаты Аркадия Александровича Талызина обратился к господам Вознесенским для уточнения обстоятельств находки клада. Тридцатого октября 1880 г. П.И. Вознесенский ответил Свечину: «Ваше превосходительство Милостивый Государь Федор Александрович! Более десяти лет тому назад, но в каком году не помню; арендуя землю графа Бобринского, что при хуторе Михайловском, в 8 верстах от памятника Куликовского поля по направлению к р. Красивой Мечи, я вспахал под осень залежь плугами, а весной много народа из с. Крестов и д. Панских Выселок бороновали эту землю поденно при моем приказчике;

и тут-то выбороновали серебро, о котором Ваше превосходительство спрашиваете. Все найденное серебро было разобрано работавшими крестьянами. Через несколько дней я с трудом скупил найденные вещи у крестьян упомянутых деревень». Из этого же письма мы узнаем, что изначально клад был больше: в него входили подвеска и крест, подаренные П.И. Вознесенским супруге Ф.Н. Челищева. «Затем из них две части, кисть и крест, были мною подарены через г. Лукина Супруге Г-на Ф.Н. Челищева. Остальное, – писал Вознесенский, – все без остатка передано Вам. Место, где найден клад, я могу указать лично. Вот все, что я знаю и помню и о чем спешу уведомить Ваше превосходительство на письмо Ваше от 15 октября». Шестнадцатого ноября Ф.А. Свечин, понимая всю важность находки, пишет послание директору Оружейной палаты А.А. Талыzinу со следующими пояснениями: «Милостивый государь Аркадий Александрович! Получив почтеннейшее письмо Ваше от 9 октября, я обращался письменно к Гг. Вознесенским относительно переданных Вам через графа Бобринского вещей, – и в настоящее время препровождаю Вам только что полученный мною ответ Гг. Вознесенских». Глава музея в своем ответе предводителю тульского дворянства формулирует уточняющие вопросы к г. Вознесенскому. Ответ от ефремовского купца П.И. Вознесенского пришел только через полгода. Арендатор уточнил, что: 1) «Вещи эти найдены на земле графа Бобринского близ села Крестов Богородицкого уезда верстах в 8-ми от Куликова поля, на местности совершенно ровной», без признаков могильного захоронения, «скорее можно предположить, что это был зарытый клад... вещи все эти находились в одной кучке...»; 2) «Две вещи подарены мною госпоже Челищевой»; 3) «Все вещи, которые были найдены, без остатка, куплены мною у крестьян, за исключением вышеупомянутых двух вещей, все представлены в Палату». Одновременно с запросом в Тульскую губернию директор Оружейной палаты направил донесение в Московскую дворцовую контору и в июле 1881 г. получил разрешение принять в собрание предметы, найденные «у берегов Красной Мечи и пожертвованные Петром и Василием Вознесенскими»: «Г-н Министр Императорского Двора предложением от 19 июня за № 1178 уведомил меня, что Государь-император высочайше повелеть изволил принесенные в дар Московской Оружейной палате землевладельцами Епифановского уезда Тульской губернии Петром и Василием Вознесенскими серебряные вещи... принять в сию палату, с запискою по описи, благодарить от имени его Имп. В-ва поименованных жертвователей за таковое их приношение, вместе с сим сообщено мною Тульскому

Губернскому предводителю Дворянства. Исполняющий должность обергофмейстера, гр. Ламсдорф». На письме пометы об исполнении, первая из них: «Вещи внести в опись, и по внесении их доставить в Дворцовую контору выписку из описи для внесения тех же вещей в копию описи, хранящейся в Дворцовой конторе». Это распоряжение было сразу же исполнено, и уже 3 июля «выпись древним серебряным вещам, принесенным в дар Оружейной палате Гг. Вознесенскими (внесенными в Опись Оружейной палаты под № 9484–9493)», составленная Г.Д. Филимоновым, была отправлена в Московскую дворцовую контору. В архиве хранится черновик этого документа. Именно этот текст вошел в опись 1893 г.

Приведенные нами документы важны не только для истории кладов, но и дают представление об особенностях комплектования Московской Оружейной палаты в XIX столетии.

А.О. Залунин

Музеи Московского Кремля

КОЛЛЕКЦИЯ РУССКОЙ РЕЗНОЙ КОСТИ XVIII–XIX ВЕКОВ. ДАР СЕМЬИ КАРИСАЛОВЫХ

Русская резьба по кости XVIII–XIX вв. – это особый вид декоративно-прикладного искусства, в котором органично соединились самобытные черты культуры Русского Севера и художественные элементы, заимствованные из искусства античности, барокко, рококо, классицизма и Востока. Одна из крупнейших коллекций резных костяных изделий в нашей стране была передана в дар Музеям Московского Кремля семьей Карисаловых в 2020 г.

Подаренные меценатами предметы дополнили уже существующее кремлевское собрание резной кости. В его составе – произведения церковного искусства XVI–XVII вв.: наперсные иконы, панагии, складни; уникальная группа посохов и тростей; работы костореза середины XVIII в. Осипа Дудина – украшенная тончайшей резьбой кружка и икона с изображением соловецких праздников, вложенные мастером в Соловецкий монастырь; костяные изделия, собственноручно выполненные российскими императрицами Екатериной II и Марией Федоровной; несколько произведений северных мастеров и другие.

В коллекцию, переданную семьей Карисаловых музею, входят 153 произведения, которые составили 544 музейных предмета и их части. Среди них 37 резных икон, 17 ларцов, 21 шкатулка (три из них содержат принадлежности для карточной игры), 23 настольных кабинетца (секретера), 6 туалетных зеркал, 3 вазы, 7 скульптурных композиций, 10 бюстов и 10 пластин с портретами императоров, государственных деятелей и частных лиц, 2 шахматных набора, 2 ножа и комплект детской игрушечной мебели в футляре. Большинство изделий были выполнены в Холмогорах – главном центре русского косторезного искусства XVII–XIX вв., однако некоторые из них являются произведениями мастеров, работавших в Санкт-Петербурге, Тобольске и Вятке. До передачи в Музеи Московского Кремля коллекция семьи Карисаловых была представлена на нескольких выставках в крупнейших отечественных музеях. К выставке в Музее-заповеднике «Павловск» в 2014 г. доктор исторических наук, академик РАН Ирина Николаевна Уханова подготовила каталог, в котором описала и атрибутировала большую часть предметов из этого собрания¹.

В переданной в дар коллекции имеются произведения, выполненные из моржовой, слоновой и мамонтовой кости, а также из кости домашних животных. При их изготовлении мастера применяли все основные косторезные техники: «гладкую» (неглубокую), рельефную, объемную резьбу и резьбу «на проем» (сквозную). Также они использовали элементы накладного рельефа, закреплявшиеся при помощи костяных шипов. Гравировку на предметах часто «подцвечивали» красками, для окраски пластин применяли технику травления естественными красителями. Наиболее распространенными типами изделий из кости были резные иконы и украшенные костяными пластинами ларцы, кабинетцы и шкатулки, не только являвшиеся произведениями искусства, но и использовавшиеся в быту.

Вошедшие в состав кремлевского собрания памятники позволяют проследить эволюцию русского косторезного искусства в XVIII – первой половине XIX в.: декор изделий из резной кости испытал влияние основных художественных стилей, господствовавших в искусстве этого периода. В украшении предметов, относящихся к первой половине XVIII в., заметны барочные элементы, в том числе крупный травный орнамент, напоминающий архитектурную резьбу и рисунок тканей². В середине XVIII столетия в декор резных произведений проникли элементы стиля рококо, например мотив раскрытой раковины, соседствующий с изображениями животных, аллегорических и жанровых сцен. В 1770-е гг. мастера обратились к стилистике классицизма: в этот период особое распространение получила тонкая сквозная резьба. В первой четверти XIX в. изделия начали украшать изображениями на исторические сюжеты, что отражало растущий интерес общества к национальному прошлому: в составе коллекции Карисаловых в Музеи Московского Кремля поступили шкатулка с портретом М.И. Кутузова и пластина со сценой у смертного ложа императора Александра I.

Объемная пластика не получила широкого распространения в русском косторезном искусстве, однако отдельные произведения, созданные в этой технике, сохранились до наших дней. В составе дара имеются выполненные холмогорскими мастерами многофигурные композиции конца XVIII – начала XIX в. на библейские сюжеты: «Жертвоприношение Авраама», «Милосердие самарянина». К работам петербургских мастеров конца XVIII в. относятся костяные модели «Медного всадника» скульптора Э.М. Фальконе. Среди произведений середины XIX в. выделяются костяные бюсты петербургского мастера Я.П. Серякова, создававшего с большой точностью и художественной

выразительностью портреты представителей императорской семьи, военных, купцов и других лиц. Особняком стоят выполненные холмогорскими и тобольскими мастерами сценки из жизни представителей коренных народов Севера и Сибири.

Семья Карисаловых передала в Музеи Московского Кремля одну из лучших коллекций русской резной кости, существенно расширившую уже существующее музейное собрание и включающую в себя настоящие шедевры замечательных русских мастеров-косторезов XVIII–XIX вв. Ее отличает значительное разнообразие типов предметов и способов их декорации. Несмотря на то что большая часть памятников уже была введена в научный оборот, возможности их изучения не исчерпаны, и такие исследования имеют большой потенциал. Эти предметы востребованы для участия в выставках и неизменно привлекают внимание посетителей.

¹ Изделия из резной кости второй половины XVIII – первой половины XIX веков. Из собрания семьи Карисаловых и коллекции ГМЗ «Павловск»: каталог выставки / авт. И.Н. Уханова, О.К. Баженова; авт. вступ. ст. И.Н. Уханова. СПб., 2014.

² Об особенностях декорации резной кости из этой коллекции см.: Там же. С. 8–11.

С.В. Зверев

Музеи Московского Кремля

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ НУМИЗМАТИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ В XVIII–XX ВЕКАХ

К концу XVIII в. в Оружейной палате уже хранились некоторые русские и иностранные монеты и медали, а также редкие монетные штемпели. В начале XIX в. известный собиратель граф А.И. Мусин-Пушкин подарил музею коллекцию древностей, в составе которой были нумизматические памятники, в том числе редкий жалованный монетовидный знак XVII в., приписываемый князю В.В. Голицыну. Бывший посланник в Швеции граф А.И. Остерман передал в дар музею коллекцию из 116 золотых шведских медалей. Позднее различные монеты поступали от археолога графа А.Ф. Уварова, востоковеда П.С. Савельева, историка М.П. Погодина и других коллекционеров.

Значительным вкладом стало включение в 1851 г. в музейное собрание коллекции П.Ф. Карабанова, проявлявшего большой интерес к памятникам нумизматики. Русская часть коллекции содержала около 500 золотых, серебряных и медных монет XIV – начала XIX в. и около 600 памятных и наградных медалей. Также в составе собрания был клад древнеримских монет, найденный в русской братине XVII в. во время ремонтных работ в Московском Кремле в начале XIX в.

Согласно Описи вновь поступающим предметам в 1853–1873 гг. в Московскую Оружейную палату было принято около 600 монет: античных, византийских, европейских и восточных средневековых, русские платежные слитки (гривны) и монеты великокняжеского и царского периодов. Пополнилось собрание также медными монетами XVIII в., найденными при строительных работах в Малом Кремлевском дворце.

Но в 1857 г. монеты и медали были переданы из Оружейной палаты в Государственное древлехранилище хартий, рукописей и печатей в Московском Кремле, а дубликаты русских медалей отправлены в Императорский Эрмитаж. Также в древлехранилище с Санкт-Петербургского монетного двора были доставлены коронационные медали XVIII–XIX вв. в количестве 53 экземпляров. Благодаря директору Оружейной палаты А.А. Талызину в октябре 1882 г. последовало высочайшее решение о передаче коллекции нумизматики в Московскую дворцовую контору, а уже в ноябре в Оружейную палату было принято 3 000 русских монет и медалей. В начале 1883 г.

в экспозицию Оружейной палаты была включена и впервые показана публике коллекция нумизматики.

В 1885 г. музей приобрел более 500 золотых и серебряных монет из коллекции графа И.И. Толстого. Тогда же Оружейная палата получила в дар от гофмейстера М.В. Мезенцева 320 монет XV–XVIII вв., четыре киевских и три новгородских слитка-гривны. В 1886 г. А.А. Талызин подарил музею свою нумизматическую коллекцию. Различные учреждения и организации также направляли в музей экземпляры своих памятных медалей.

К концу XIX в. нумизматический кабинет (отдел) уже утвердился в структуре Оружейной палаты. Заметный вклад в его формирование внес известный нумизмат В.К. Трутовский, являвшийся хранителем Оружейной палаты.

С 1895 г. Санкт-Петербургский монетный двор стал ежегодно передавать в кремлевский музей по одному экземпляру всех изготовленных монет и бронзовых медалей. Последняя ведомость на поступавшие монеты датирована 26 апреля 1916 г.

Революция 1917 г. сильно осложнила жизнь музея. Уже в начале 1920-х гг. часть золотых монет пришлось передать в Гохран. В музее не было специалистов по нумизматике, и некому было привести коллекцию монет в порядок. В 1922 г. Ученый совет Оружейной палаты даже принял решение передать нумизматическую коллекцию Историческому музею. Однако эта передача не состоялась, и с 1929 г. возобновилась работа по систематизации фонда нумизматики, который был значительно пополнен в 1930 г. несколькимикладами монет, найденными при земляных работах на месте разрушенных Чудова и Вознесенского монастырей. Из них наиболее ранним является клад восточных монет XIV–XV вв., который был найден в виде спекшегося комка. Два клада состояли из русских монет и по времени сокрытия относятся к 1607 г. Еще один клад русских монет относился к началу царствования Михаила Федоровича. Также были обнаружены два клада медных монет XVIII – начала XIX в. Таким образом, в Оружейной палате уже в 1930-х гг. сформировалась коллекция монетных кладов.

В октябре 1939 г. эта коллекция была дополнена весьма крупным кладом русских монет XVI – первой половины XVII в., найденным в проезде Спасских ворот. Современная учетная документация включает в состав клада 35 469 монет, преимущественно периода царствования Михаила Федоровича, с небольшим числом монет более ранних царствований и первых типов копеек и денег с именем царя Алексея Михайловича. В сентябре 1940 г. при земляных работах недалеко от Спасской башни

работчие нашли глиняный кувшин с золотоордынскими серебряными монетами и русскими слитками: всего в Оружейную палату поступило 98 монет и 8 слитков.

Великая Отечественная война прервала плановую фондовую научную работу Оружейной палаты. Только в начале 1960-х гг. нумизматическое собрание было выделено в отдельный фонд.

Коллекция музея продолжала пополняться за счет найденных кладов. В 1969 г. при реконструкции Кремлевского театра под фундаментом колонны в красноглиняном изразце был найден клад русских монет XVI – начала XVII в. В 1993 г. в Успенском соборе при вскрытии усыпальниц св. митрополитов Петра и Ионы были обнаружены монеты конца XVIII – начала XX в. Тогда же в Архангельском соборе при вскрытии раки св. царевича Димитрия Угличского обнаружены медные монеты XVIII – конца XIX в. и два иностранных жетона. Все эти комплексы являются культовыми безвозвратнымикладами длительного накопления, которые нередко формируются у почитаемых святых.

В 1994 г. при работах в подвале здания Сената, недалеко от Никитских ворот, был обнаружен кувшин с монетами XVI – начала XVII в., спрятанный осенью 1612 г., накануне освобождения Москвы от поляков. В июле 1998 г. во время реставрационно-ремонтных работ в Святых сенях Грановитой палаты были найдены 48 медных копеек времени царствования Алексея Михайловича, а в 2006 г. во время реконструкции в палате Казенного двора также были обнаружены 80 медных копеек этого периода.

Кроме того, в состав коллекции вошли два клада, найденные вне территории Московского Кремля. Это комплекс из 552 российских золотых монет XIX – начала XX в., выявленный в 1994 г. недалеко от Кремля, на ул. Знаменке. Золотые монеты были спрятаны в двух стеклянных банках и завернуты в обрывки газеты «Правда» 1942 г. Это наиболее крупный московский клад императорских золотых монет и единственный тайник, сокрытый во время Великой Отечественной войны. Второй клад начала XVII в., времени правления Василия Шуйского, был обнаружен на Красной площади в 2012 г. в ходе археологических работ, связанных с реконструкцией зданий Средних торговых рядов.

В 2012 г. монетные клады Московского Кремля были представлены на постоянной экспозиции в подклете Благовещенского собора.

Также нумизматические памятники с 1960-х гг. поступали в музейную коллекцию из различных учреждений и организаций и в качестве даров от частных лиц. В 1980–1990-х гг. через Закупочную комиссию Музеев Московского Кремля было приобретено более 3 000 монет и медалей.

С.А. Костянян

Музеи Московского Кремля

КОМПЛЕКТОВАНИЕ БИБЛИОТЕКИ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ТРАДИЦИИ

Четверть века прошло с начала нового столетия, многие новшества, которые принес XXI в., стали историей, некоторые из них успели уйти в прошлое. Технологический ландшафт нашей повседневной жизни меняется с каждым годом все стремительнее, и это готовит новые вызовы даже для такой устойчивой и консервативной структуры, как музейная библиотека.

На протяжении всей истории своего существования, с середины XIX в., библиотека в Музеях Московского Кремля сохраняла свою основную функцию – научно-справочное обслуживание деятельности музея, его сотрудников и хранителей коллекций. В настоящее время отдел «Научно-справочная библиотека» продолжает деятельность в этом направлении, стараясь оптимально сочетать музейные традиции и современные технологические новшества.

Библиотека Музеев Московского Кремля одной из первых среди российских музейных библиотек начала использовать в своей работе цифровые технологии. История ее компьютеризации началась в 1990 г., к концу XX в. был сформирован полный электронный каталог книжного фонда. В 2001 г. в рамках модернизации системы учета была внедрена автоматизированная информационная библиотечная система MARC-SQL, которая благодаря регулярным технологическим обновлениям до сегодняшнего дня является основным стержнем, организующим всю информационную и справочную работу отдела. С 2007 г. библиотечный каталог выложен в открытый доступ на сайте Музеев Московского Кремля.

Конец XX – начало XXI в. характеризовались ростом интереса к информационным технологиям, их внедрению и использованию во всех сферах музейной деятельности, увеличением объемов цифровых ресурсов. Это в значительной мере сказалось на комплектовании библиотечных фондов. В кремлевской коллекции, помимо традиционных публикаций, на бумаге появились электронные ресурсы. Первоначально это были CD- и DVD-диски, на которых все музеи начали публиковать свои путеводители, тематические выставки, материалы конференций и тому подобное. К сожалению, этот формат электронных документов оказался

недолговечным и в настоящий момент практически перестал использоваться из-за изменений, произошедших в программном и технологическом обеспечении. Достаточно серьезно библиотечный фонд стал прирастать за счет оцифрованных копий книг. Сегодня в локальной сети музея выложено 3 500 электронных копий публикаций, доступных нашим читателям не только в читальном зале библиотеки, но и на рабочих местах. Эта коллекция постоянно пополняется за счет самостоятельного сканирования сотрудниками библиотеки наиболее ценных или востребованных книг, а также за счет доступных цифровых копий, выложенных в открытый доступ в сети Интернет. Увеличение доли электронных копий книг в общем объеме ресурсов библиотеки позволяет облегчить и сделать комфортным их использование читателями, улучшить сохранность книжных памятников, сэкономить место в книгохранилище. Однако это несет определенные риски потери в случае резкого изменения технологического ландшафта, что уже неоднократно можно было наблюдать за последнюю четверть века.

Использование информационных ресурсных баз данных стало еще одним новшеством в комплектовании библиотек в последние десятилетия. Это не только открытые базы научных ресурсов, которые систематически мониторятся и описываются сотрудниками библиотеки, но и платные ресурсы ограниченного доступа. На сегодняшний день в нашем каталоге описано 85 открытых научных баз данных. С 2010 г. обновляется регулярная платная подписка на англоязычную цифровую базу данных полнотекстовых научных журналов и книг JSTOR. Режим и условия доступа к таким базам данных зависят не только от технологических изменений, но и от политических. Жертвой технологических изменений стала полнотекстовая база данных ресурсов об истории Москвы и Московского Кремля, созданная библиотекой Музеев Московского Кремля на основе системы T-Libra. Она поддерживалась и пополнялась с 2010 г., свободный доступ к ней обеспечивался через сайт музея. В связи с невозможностью обновления системы T-Libra и переносом музейного сайта на новую платформу существующая полнотекстовая база данных теперь доступна лишь в читальном зале библиотеки.

Информационные технологии, открывающие массу возможностей в работе библиотек, их комплектовании и обслуживании читателей, имеют существенные риски быстрого устаревания. Поэтому неизменно важное значение сохраняет комплектование библиотеки публикациями на традиционных бумажных носителях. Оно значительно оживилось и выросло в количественном отношении с конца 1990-х гг. Это связано не только

с большим объемом новой издаваемой литературы и периодических изданий, но и с активной издательской и выставочной деятельностью музея. Издания Музеев Московского Кремля всегда востребованы библиотеками других научных учреждений и музеев не только в России, но и за рубежом – это закладывает основу для межбиблиотечного книгообмена.

На протяжении всей истории библиотеки Музеев Московского Кремля существенным источником ее комплектования были дары. Пожертвования от частных лиц и организаций сегодня также являются важной составляющей пополнения нашего библиотечного фонда. Среди значимых комплексов, поступивших к нам в последние десятилетия, следует упомянуть книги из библиотек Георгия Карловича Вагнера, Татьяны Борисовны Уховой, Ирины Яковлевны Качаловой, Галины Анатольевны Марковой, Александра Михайловича Колызина, Татьяны Федоровны Фаберже и Олега Павловича Логинова.

Непрерывность, преемственность и систематичность являются важными принципами комплектования библиотеки Музеев Московского Кремля. При отборе имеющейся литературы приоритет отдается научным изданиям, монографиям, сборникам статей, каталогам коллекций и выставок российских и зарубежных музеев. Научной репутации издательства или учреждения, опубликовавшего книгу, также уделяется внимание. Важным критерием отбора литературы является экспертная оценка научных сотрудников музея – хранителей коллекций, чье мнение о необходимости приобретения издания для библиотеки является определяющим. С начала XXI в. книжный фонд увеличился на 20 000 единиц и продолжает прирастать в среднем на 500 единиц в год. Важно осознавать, что при всех преимуществах современных технологий и огромных объемах информационных ресурсов, доступных к комплектованию, главным критерием отбора остается их долговременная сохранность. И печатная книга по-прежнему остается наиболее сохранным и долговечным информационным ресурсом.

Т.Н. Мунтян

Музеи Московского Кремля

КОЛЛЕКЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ФИРМЫ КАРЛА ФАБЕРЖЕ. ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ. 1991–2026 ГОДЫ

Коллекция произведений прославленной российской фирмы К. Фаберже в Музеях Московского Кремля – одна из самых известных и значительных в России и за ее пределами. В экспозиции национальной сокровищницы – Оружейной палаты – представлена самая большая в мире группа императорских пасхальных яиц, являющихся вершиной творчества придворного ювелира. Помимо этого в собрании хранятся несколько мемориальных предметов из дворцового имущества, принадлежавших русским августейшим особам, связанных как с событиями истории государства, так и жизнью царской семьи. Музей также обладает довольно большой группой бытовых предметов: столового серебра, чайников, молочников, тарелок и прочих утилитарных изделий, поступивших из различных государственных учреждений: Гохрана, МВД, КГБ, Шереметьевской таможни.

Что же касается изысканных ювелирных украшений, то в собрании Музеев Московского Кремля хранились только три броши. Единичными образцами были представлены драгоценная галантерея и произведения в технике гильоше-эмали, во владении которой мастерам Карла Фаберже не было равных в мире: настольные часы, рамки, коробочки-бонбоньерки, портсигары. В экспозиции Оружейной палаты можно было увидеть одни часы с розовой гильоше-эмалью и один портсигар с синей эмалью. Эмальированные рамки и коробочки отсутствовали вовсе. Собрание украшал один цветок «Анютины глазки», яркий образец произведений жанра *objets de fantaisie*, относящихся, как и императорские пасхальные яйца, к самым редкостным и виртуозным произведениям царской фирмы.

Автор доклада, хранитель коллекции русского художественного металла XIX – начала XX в., на протяжении тридцати пяти лет занималась комплектованием собрания, повсюду изыскивая произведения, достойные быть в стенах Музеев Московского Кремля, атрибутировала шедевры и готовила экспертные заключения. За десятилетия столь важной работы собрание изделий фирмы К. Фаберже пополнилось несколькими десятками предметов, включая такие уникальные произведения,

как драгоценный цветок «Одуванчик». Старший мастер предприятия Ф.П. Бирбаум считал одуванчики и кактусы самыми удачными образцами из всех флоральных этюдов. В настоящее время группа украшений и аксессуаров петербургских мастерских и московского отделения фирмы – одна из самых крупных и разнообразных в российских музеях и включает примеры работ ведущих мастеров: А. Хольминга, А. Хольмстрема, М. Перхина, Г. Вигстрема, А. Тилемана, В. Аарне, О. Пиля, а также изделия московской фабрики. Целый ряд произведений сочетают детали, вырезанные из твердых поделочных камней: кварца, нефрита, горного хрусталя – с драгоценными камнями и эмалями. Такие изделия, представляющие собой синтез камнерезного, ювелирного и эмальерного мастерства, чрезвычайно ценимы и редки в наследии фирмы К. Фаберже. Группа произведений с эмалью по гильошировке теперь включает часы, рамки, бонбоньерки, портсигары с эмалями разных изысканных цветов и демонстрирует широту эмалевой палитры фирмы и красоту оттенков, а также разнообразие гильошированных рисунков.

За эти годы увеличилось и количество серебряных произведений, и это были не отдельные образцы драгоценной утвари, а полные репрезентативные комплекты, например чайно-кофейные сервизы, предметы из которых имеют подлинные футляры с фирменными марками предприятия, мемориальные вещи, связанные с деятельностью представителей императорской семьи, и роскошные оправы для изделий из резного стекла и граненого хрусталя: монументальная ваза с императорской короной из дворцового серебра, графины, кувшины и туалетные приборы. Комплектованием этих предметов хранитель собрания занималась совместно с хранителем коллекции керамики и русского художественного стекла И.В. Горбатовой.

Комплектование коллекции – результат деятельности не только Экспертно-закупочной комиссии музея. Ряд произведений подарен частными лицами и коллегами хранителя собрания – коллекционерами и работниками антикварных и художественных галерей, которые пользуются поддержкой научных сотрудников при атрибуции предметов и довольно часто предоставляют их на выставки Музеев Московского Кремля.

В истории пополнения коллекции произведений фирмы К. Фаберже был удивительный эпизод: в собрание Музеев Московского Кремля поступили тринадцать украшений из золота и платины с бриллиантами, сапфирами и изумрудами, которые являлись частью клада, обнаруженного в начале 1990-х гг. в реконструированном доме на улице Солянка

в Москве. Эта ценная, единая по хронологии и стилистике группа является уникальным примером поздних бриллиантовых работ прославленной фирмы, в которых уже заметны черты нового стиля – *Art Deco*. Разнообразные по типологии, технике исполнения и стилистике произведения Карла Фаберже – Поставщика Двора Его Императорского Величества и придворного ювелира – ныне составляют коллекцию, которой мало равных в мире.

Е.Ю. Начарова

Музеи Московского Кремля

**К ИСТОРИИ ФОТОСЪЕМКИ МОСКОВСКОГО
КРЕМЛЯ И ЭКСПОНАТОВ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ
И.Ф. БАРЩЕВСКИМ В 1880-е ГОДЫ**

Фотографическое наследие Ивана Федоровича Барщевского занимает важное место в истории русской культуры второй половины XIX в. Сформировав особый подход к фиксации памятников древнерусского зодчества, сочетающий документальную точность с художественной выразительностью, к началу 1880-х гг. он обрел широкую известность как мастер архитектурной фотографии. Этой стороне его деятельности посвящена обширная историография. Менее изученной, но не менее значимой стороной его работы является фотосъемка предметов декоративно-прикладного искусства, в том числе части экспонатов Оружейной палаты и «Романовского дворца» (Палат бояр Романовых). Данный корпус изображений представляет интерес как с точки зрения эволюции методов музейной фотографии, так и в контексте творческой биографии самого И.Ф. Барщевского.

К середине 1880-х гг., когда Иван Федорович начал свою работу в статусе фотографа Императорской Академии художеств и члена-корреспондента Императорского Археологического общества, в Оружейной палате уже сформировалась традиция фотосъемки экспонатов, связанная с деятельностью нескольких фотографов. Первым опытом в этой области стали фотографии предметов западноевропейского серебра, выполненные И.Г. Волковым в первой половине 1860-х гг. с разрешения директора Оружейной палаты А.Ф. Вельтмана. В дальнейшем работа по созданию коллекции снимков с экспонатов продолжилась масштабной съемкой, проведенной фотоателе М.М. Панова для издания Описи Оружейной палаты 1884 г.: проект включал около 500 таблиц с изображениями примерно 2 000 предметов. Таким образом, фотосъемка стала неотъемлемой частью нового стандарта документирования музейных ценностей.

Параллельно с этим направлением развивалась и другая линия – фиксация интерьеров и экспозиционных пространств. В этом контексте значительную роль сыграли работы Г.В. Трунова, чье ателье в конце 1870-х – начале 1880-х гг. осуществило съемку залов Оружейной палаты и Большого Кремлевского дворца. Так, к моменту начала работы И.Ф. Барщевского

существовали два устойчивых подхода: инвентарно-описательный (И.Г. Волков, М.М. Панов) и пространственно-интерьерный (Г.В. Трунов).

И.Ф. Барщевский, приступая к съемке экспонатов, включился в этот контекст, но занял особую позицию. Альбом «Москва. Оружейная палата» (около 1885–1887 гг.), состоявший из 109 отпечатков, 100 из которых хранятся сейчас в фондах ОРПФ Музеев Московского Кремля, демонстрирует синтез различных подходов. С одной стороны, Иван Федорович фиксирует отдельные предметы или их группы, подчеркивая их форму и декоративные особенности. С другой стороны, он обращается к экспозиционному контексту, снимая предметы в интерьере, что позволяет воспринимать их как часть целостной музейной среды.

В отличие от М.М. Панова, работавшего в рамках строго заданного заказа и под контролем помощника директора Оружейной палаты Г.Д. Филимонова, И.Ф. Барщевский обладал большей творческой свободой. Это позволило ему сосредоточиться на деталях, фрагментах, фактуре материалов, что сближает его метод съемки предметов декоративно-прикладного искусства с принципами, разработанными им для архитектурной фотографии, где он также стремился выявить пластическую структуру объекта. Характерно, что даже при съемке отдельных предметов он нередко включает в кадр элементы окружения, тем самым разрушая изоляцию объекта и подчеркивая его пространственные связи.

Опыт архитектурной фотографии оказывается определяющим и в работе со светом. Иван Федорович активно использует направленное освещение для моделирования объема и передачи фактуры материала, будь то блеск металла, мягкость тканей или сложность орнамента. В этом отношении его фотографии существенно отличаются от более нейтральных изображений И.Г. Волкова и М.М. Панова.

Композиционные решения И.Ф. Барщевского также демонстрируют связь с его архитектурными работами. Он использует принципы симметрии, осевой организации и выверенных пропорций, благодаря чему даже единичный предмет приобретает монументальность и воспринимается как «архитектурная форма в миниатюре».

Фотосъемка экспонатов Оружейной палаты в исполнении И.Ф. Барщевского может рассматриваться как точка пересечения нескольких традиций. Продолжая линию документальной фиксации, заложенную И.Г. Волковым и развитую М.М. Пановым, он одновременно переосмысляет ее, вводя элементы художественной интерпретации формы и пространства.

Участие И.Ф. Барщевского в создании комплекса снимков для Оружейной палаты нужно рассматривать не как периферийный эпизод, а как органичную часть его метода, сформированного в архитектурной практике.

В.Р. Новосёлов

Музеи Московского Кремля

САБЛЯ РАБОТЫ ИВАНА БУШУЕВА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ: НОВЫЕ ДАННЫЕ СОГЛАСНО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ

Изготовленная легендарным златоустовским мастером-оружейником Иваном Бушуевым в 1829 г. сабля, посвященная взятию русскими войсками турецкой крепости Варна, заслуженно считается признанным шедевром русского оружейного искусства. При этом вплоть до недавнего времени этот памятник с научной точки зрения оставался фактически не изученным. Более того, о нем сложилось несколько исторических мифов. Данные, полученные в ходе исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве, позволяют нам уточнить сведения об этом произведении. Известно, что Иван Николаевич Бушуев освоил профессию кузнеца и сам мог ковать клинки. Вероятно, именно поэтому сабля на взятие Варны из собрания Музеев Московского Кремля до сих пор воспринималась исключительно как его творение. Однако обычно на Златоустовской оружейной фабрике существовало четкое разделение по цехам: каждый вид работ осуществлял специализирующийся на нем мастер. Изготовление сабли подразумевало не только ее украшение, за которое и отвечал И.Н. Бушуев, но и ковку, закалку, полировку и заточку клинка, литье эфеса, приготовление ножен, а значит, и участие в ее создании целого коллектива мастеров, чьи имена, как и ряд обстоятельств, связанных с этим заказом, нам удалось установить по архивным данным.

Особое значение имеют два обнаруженных нами документа. Во-первых, составленное помощником директора Златоустовской оружейной фабрики П.П. Аносовым описание сабли, поясняющее символику ее декора. Во-вторых, посланная в Санкт-Петербург подробная роспись с перечислением всех мастеров, участвовавших в изготовлении поднесенной императору Николаю I сабли, с указанием выполнявшихся ими работ.

Согласно документу, клинок сабли был изготовлен мастерами цеховковки, калки, точки и полировки клинков П.К. Уткиным, Ф. Кирховым, А. и Г. Гра и украшен мастером цеха вытравки и позолоты клинков отделения украшенного оружия И.Н. Бушуевым. В украшении клинка знаменитому мастеру помогали относящиеся к тому же цеху мастер И.П. Бояршинов, подмастерье Д.И. Ворошилов, работники П.С. Серебров и Д.Г. Сергеев.

Эфес делали мастера цеха отделки и позолоты медных эфесов Л.К. Лукин и Н.В. Галкин, при которых состояли подмастерья М.К. Черепанов и Я. Худяков. Детали монтировки эфеса и ножен делали Е. Носков и В.И. Южаков. Оклеивал ножны мастер столярного цеха М.Я. Пелявин. Можно сказать, что над этим шедевром трудилась целая плеяда выдающихся мастеров Златоуста. Петр Кириллович Уткин заслуженно считался лучшим русским клинковым кузнецом, Франц Кирхов – лучшим закальщиком, а Годфрид Гра в совершенстве владел искусством заточки и полировки клинков. Петр Иванович Бояршинов по своему таланту мало чем уступал Бушуеву и в 1826 г. являлся вторым мастером отделения украшенного оружия, а после смерти И.Н. Бушуева в 1835 г. стал ведущим художником. Конечно, сложно говорить, насколько в данном случае его можно считать соавтором украшения клинка сабли, но известно, что названные мастера не раз составляли творческий тандем.

Ларион Кириллович Лукин – первый скульптор Златоустовской оружейной фабрики, непревзойденный мастер позолоты, чеканки и обтирки медных эфесов, соавтор И.Н. Бушуева по многим работам. Никифор Васильевич Галкин участвовал в изготовлении украшенного оружия по самым важным заказам, был одним из первых помощников великого златоустовского металлурга П.П. Аносова в проведении его опытов с разными сортами стали. Михаил Кузьмич Черепанов – постоянный помощник Лукина в золочении и чеканке медных эфесов, неоднократно награжденный за участие в работе над важными заказами.

Василий Иванович Южаков с 1830 г. стал ведущим мастером эфесного отделения цеха украшенного оружия. В дальнейшем по заданию П.П. Аносова он изучал искусство насечки и чеканки, производство стального булата и одним из первых в Златоусте стал работать с техникой серебряной насечки и чеканки по серебру.

Максим Яковлевич Пелявин участвовал в изготовлении украшенного оружия по заказам особой важности и за высокое качество своих работ неоднократно награждался серебряной медалью, золотыми часами и денежными суммами.

Несмотря на то что саблю на взятие Варны из собрания Музеев Московского Кремля связывают исключительно с именем Ивана Бушуева, как видим, ее изготовлением мы обязаны целому созвездию известных мастеров, чьи творения прославили русские оружейные традиции Златоустовской оружейной фабрики.

М.К. Павлович

Музеи Московского Кремля

ОТ МАСТЕРСКОЙ И ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ К МУЗЕЯМ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. ВЕХИ ИСТОРИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ. 1806–2026 ГОДЫ

Музейное летоисчисление Оружейной палаты ведется с именного указа императора Александра I от 10 марта 1806 г. «О правилах управления и сохранения в порядке и целостности...» ценностей Мастерской и Оружейной палаты. Эти правила были разработаны Главнначальствующим Экспедиции кремлевского строения П.С. Валуевым, возглавлявшим также древние сокровищницы и мастерские Кремля. В 1810 г. для музея было построено здание по проекту архитектора И.В. Еготова, но Отечественная война 1812 г. нарушила все планы. Под руководством П.С. Валуева были осуществлены срочная эвакуация ценностей из Москвы, а затем, после изгнания неприятеля, их возвращение в Кремль. Проведение восстановительных работ по архитектурным памятникам и создание первой экспозиции Оружейной палаты проводились под руководством Н.Б. Юсупова, сменившего П.С. Валуева в 1814 г.

Новый этап в истории Оружейной палаты связан с упразднением в 1831 г. Экспедиции кремлевского строения и передачей ее функций вновь созданной Московской дворцовой конторе, в ведение которой перешла и Оружейная палата, также названная Московской.

К 1840-м гг. у образованной части российского общества повысился интерес к отечественной истории, возросли роль и значение кремлевского музея в культурной жизни страны. Если предыдущий период для Московской Оружейной палаты был связан с зарождением и становлением элементов музейной деятельности, то в 1842 г. наступила пора расцвета, продолжавшаяся до середины 1880-х гг. Во многом этому способствовали ее руководители: известные писатели М.Н. Загоскин и его помощник, затем преемник, А.Ф. Вельтман. Велось активное пополнение сокровищницы, музей получил новое здание, построенное по проекту архитектора К.А. Тона. Подготовлены и вышли в свет «Древности Российского государства» с рисунками Ф.Г. Солнцева, начата работа над сводной научной описью собрания Оружейной палаты, авторство большинства описаний предметов в ней принадлежит Г.Д. Филимонову и Л.П. Яковлеву. Завершить

работу по созданию и публикации уникального многотомного труда удалось А.А. Талызину, директору музея в 1879–1886 гг.

В конце 1885 г. Министерство императорского двора было реформировано с целью сокращения расходов на его содержание. Московская дворцовая контора была преобразована в Московское дворцовое управление, руководство Оружейной палатой стали осуществлять не директор и два его помощника, а хранители.

В 1898 г. хранителями музея были назначены видные историки В.К. Третьковский и Г.В. Арсеньев. В период октябрьских событий 1917 г. и первые послереволюционные годы им удалось не допустить расхищения и уничтожения исторических ценностей. Сбережение и обеспечение охраны наследия прошлого стало основной задачей и для М.С. Сергеева, сначала хранителя, а затем заведующего музеем, пришедшего в Кремль в 1919 г. Началась работа над положением и структурой музея. В 1922 г. при его преемнике Д.Д. Иванове был образован Ученый совет, ставший основным руководящим органом учреждения, с целью спасения музея от ликвидации была проведена работа по перестройке его экспозиции по производственному принципу. Не прекращалась борьба за спасение памятников истории и культуры.

Особенно трагичным стал период конца 1920-х – 1930-х гг. В Кремле были снесены многие уникальные памятники архитектуры. После ухода с поста директора и гибели Д.Д. Иванова производились изъятия и распродажи музейных ценностей. С 1930-х гг. начались увольнения и репрессии сотрудников, Кремль был закрыт для свободного посещения. В 1938 г. музей, ранее подчинявшийся Комитету по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК, был переведен в Управление Коменданта Московского Кремля (УК МК), специальная комиссия по приему-передаче дел выявила в работе музея значительные нарушения. В 1939 г. председателем комиссии был назначен Н.Н. Захаров, вскоре возглавивший музей. Он сумел нормализовать обстановку и организовать работу сотрудников с целью выполнения рекомендаций комиссии. Но история приготовила новые испытания. В годы Великой Отечественной войны под руководством Н.Н. Захарова были осуществлены эвакуация и возвращение в Кремль музейных предметов, а затем в сжатые сроки восстановлена экспозиция Оружейной палаты и начаты работы по реставрации кремлевских храмов.

В апреле 1960 г. Оружейная палата и музеи-соборы перешли из ведения УК МК в подчинение Министерства культуры СССР, первым директором Государственных музеев Московского Кремля был назначен И.И. Цветков. Началось активное развитие основных видов музейной деятельности.

Создавались новые положение и структура учреждения, был восстановлен Ученый совет и образован Методический совет.

В первой половине 1980-х гг. были проведены масштабные работы по ремонту архитектурных памятников Кремля, в том числе стен и башен, осуществлены ремонт и комплексное обновление экспозиции Оружейной палаты, организована реставрация коллекции артиллерии. Большая заслуга в этом принадлежит директору музея М.П. Цуканову.

В 1990 г. Московский Кремль и Красная площадь включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, в 1991 г. музей получил статус Государственного историко-культурного музея-заповедника. В 1987 г. музей возглавила И.А. Родимцева. В связи с новыми направлениями деятельности образованы отделы «Музейное видео» и информационно-поисковых систем. Выстраивались взаимопонимание и сотрудничество с Русской Православной Церковью.

Указом Президента Российской Федерации от 7 апреля 2001 г. утвержден Устав Музея-заповедника «Московский Кремль», на должность его генерального директора назначена Е.Ю. Гагарина. За последние 25 лет разработана и претворяется в жизнь комплексная научная программа реставрации и музеефикации кремлевских памятников. Отреставрирована Одностолпная палата Патриаршего дворца. В 2008 г. для посетителей открыта экспозиция в приделе Святого Уара в Архангельском соборе. В результате археологических работ и исследований в 2020 г. создан Музей археологии Чудова монастыря. На более высокий уровень поднялась выставочная работа. Ежегодно выходят в свет каталоги собрания и научные сборники, с 2022 г. дважды в год издается журнал «Атрибуционный бюллетень». И это далеко не все позитивные перемены.

М.К. Павлович, И.А. Грачева

Музеи Московского Кремля

ЛИЧНЫЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ И КОЛЛЕКЦИИ В МУЗЕЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ. ИСТОРИЯ И ИТОГИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

Документальное собрание, хранящееся в Отделе рукописных, печатных и графических фондов Музеев Кремля, невелико. В нем 75 фондов, и в основном это источники, отражающие деятельность Оружейной палаты, а также документы церквей и монастырей Москвы, в том числе разрушенных в советский период.

Самостоятельную группу образуют источники личного происхождения, за редким исключением это материалы лиц, работавших в музее в разные годы. Среди них фонды директоров и ведущих сотрудников, коменданта Кремля с 1938 по 1953 г. Н.К. Спиридонова, известных ученых, связанных с музеем многолетним сотрудничеством. Это и документальные коллекции художников-ювелиров, чьи произведения хранятся в музее, комплекс документов Музея подарков Советскому Союзу, а также фонд «Неопубликованные научные работы».

Некоторые фонды насчитывают сотни дел и содержат уникальный справочный материал, другие представлены несколькими десятками и даже единицами дел. Несмотря на различия, они имеют немало общего. Как правило, они состоят из документов личного характера: автобиографий, дневников, мемуаров, семейных фотографий. Нередко в них входят также материалы по научной, творческой и служебной деятельности. Это рукописи научных работ, рисунки, планы и отчеты, фотографии коллег.

В комплектовании личных фондов можно выделить два этапа. Первый относится к периоду с 1960-го по начало 1990-х гг., когда документы поступали по инициативе самих фондообразователей или их близких. С середины 1990-х гг. ситуация изменилась. Деятельность сотрудников архива по работе с личными фондами заметно активизировалась. Определенным катализатором послужило празднование 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. Для создания выставки, посвященной деятельности музея в военные годы, были необходимы фотографии и документы из личных архивов. Были установлены контакты с родственниками Н.Н. Захарова, возглавлявшего музей с 1939 по 1956 г., и хранителя фонда

оружия Н.В. Гордеева. Впоследствии комплектование личных фондов продолжилось.

В 1990-х гг. в архив поступили фонды ряда руководителей и сотрудников, работавших в Музеях Кремля с 1920-х по 1987 г. В 1991 г. создан документальный фонд Д.Д. Иванова, возглавлявшего Оружейную палату с 1922 по 1929 г. При нем был образован Ученый совет музея и издан первый научный сборник. Но главной заслугой Д.Д. Иванова стало сохранение уникальных памятников, которые удалось отстоять в упорной борьбе за спасение кремлевского музея-сокровищницы.

В 1996 г. был образован личный фонд бывшего директора музея М.П. Цуканова, руководившего проведением целого комплекса работ по реставрации архитектурных памятников Кремля и реэкспозиции Оружейной палаты в 1980-х гг.

В том же году архив пополнился мемуарами видного ученого В.Н. Иванова, работавшего в музее в 1928–1935 гг. и в 1960–1966 гг., а затем возглавлявшего Всероссийское общество по охране памятников искусства и культуры (ВООПИиК). Эти документы рассказывают о событиях 1930-х гг. в Кремле, о сносе Вознесенского и Чудова монастырей, собора Спаса на Бору, храма Христа Спасителя и других.

С конца 1980-х гг. в архив стали поступать документы людей, чья деятельность была связана с Московским Кремлем. К примеру, это личные фонды известных ученых Т.В. Николаевой и Г.К. Вагнера, на протяжении многих лет являвшихся членами Ученого совета Музеев Московского Кремля.

В 2000–2001 гг. архив обогатился личным фондом Великого архидьякона К.В. Розова. Благодаря удивительному по красоте и силе басу он был замечен на службе в соборе родного Симбирска и переведен в Успенский собор Московского Кремля. В фонд К.В. Розова, подаренный его дочерью Л.К. Розовой, входят фотографии, благодарственные письма и адреса, ноты, в том числе с автографами композиторов П.Г. Чеснокова и Н.Р. Кочетова.

Ни одно исследование по истории Кремля и его музеев не обходится без использования источников личного происхождения. Необходимы они и в выставочной работе.

О результатах работы по комплектованию личных фондов наглядно свидетельствуют цифры. Если в 1987 г. их было всего четыре, то сейчас – более тридцати. В 2008 г. поступили материалы архитектора И.В. Рыльского, занимавшегося реставрационными работами в Кремле в первые послереволюционные годы. Пополняются и документальные коллекции художников-ювелиров. В 2017 г. акционерной компанией «АПРОСА»

переданы материалы о проведении конкурсов ювелирного искусства в 2000-х гг.

По воле Т.Ф. Фаберже, правнучки Карла Фаберже, в 2020 г. в музей поступил собранный ею архив, рассказывающий о судьбе потомков великого ювелира и их попытках по возрождению фирмы в эмиграции. Фонд семьи Фаберже насчитывает более 2 500 дел с конца XIX в. по 2010-е гг.

В январе 2025 г. ценными документами и фотографиями по истории музея пополнился личный фонд Н.Н. Захарова, а для выставки к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне его дочерью С.Н. Шиловой были предоставлены офицерская шинель и другие личные вещи Николая Никитича.

Летом 2025 г. коллекционер О.П. Логинов, связанный с Музеями Кремля десятилетиями дружбы и сотрудничества, безвозмездно передал музею собрание драгоценных произведений художественного серебра XV–XX вв., а также документы об истории приобретения и изучения этих предметов. Прошлый год был ознаменован еще одним ценным приобретением: ученый и реставратор О.В. Яхонт передал материалы по изучению каменной скульптуры святого Георгия XV в., украшавшей Спасские ворота Кремля.

Работа по комплектованию личных фондов и коллекций является одним из основных направлений деятельности архива Музеев Московского Кремля.

Ф.М. Панфилов

Музеи Московского Кремля

НОВЫЙ ОПЫТ РЕСТАВРАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕГАЛИЙ

К 1806 г., когда Оружейная палата Московского Кремля стала музеем по указу императора Александра I, по своей значимости и уникальному статусу «древлехранилища» она соответствовала старейшим династическим собраниям Европы. Важнейшую роль в составе подобных коллекций традиционно играли символы власти монарха – регалии, или инсигнии. Они являлись не только драгоценными произведениями искусства ювелиров, но и прежде всего сакральными атрибутами власти, окруженными множеством преданий. Создание музея в Московском Кремле сопровождалось подготовкой первого посвященного ему труда – «Исторического описания древнего русского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося», опубликованного в 1807 г. Автор этого сочинения, сотрудник Московского архива Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновский, уделял особое внимание царским и императорским регалиям: рядом с описаниями памятников впервые были помещены изображавшие их гравюры. В XIX и XX вв. появились публикации ряда исследований, переосмысливших старые атрибуции и предлагавших иные подходы к изучению памятников из коллекции регалий. Неоднократно менялась и музейная экспозиция, в которой регалиям неизменно отводилось важное место, однако в различных залах Оружейной палаты.

Начало третьего тысячелетия ознаменовало новый период в истории коллекции регалий в составе кремлевского собрания. На первую четверть XXI в. пришлось планомерная и комплексная реставрация памятников, главным образом царских венцов. Кропотливая и требовавшая высокого мастерства работа велась при нескольких хранителях коллекции регалий: Ирине Акимовне Бобровницкой (до 2014 г.), Светлане Геннадиевне Зюевой (до 2019 г.), Федоре Михайловне Панфилове (до настоящего времени) – художниками-реставраторами из Музеев Московского Кремля под руководством Владимира Аркадьевича Вычужанина.

За этот период были отреставрированы икона с Крестом Животворящего Древа и панагией (2003, реставратор В.А. Вычужанин), цепь Большого наряда (2006, реставратор Ю.А. Осипов), Шапка Алмазная царя Ивана Алексеевича (2015, реставратор В.Г. Яковлев), Шапка Алмазная царя

Петра Алексеевича (2016, реставратор В.Г. Яковлев), корона императрицы Анны Иоанновны (2018–2019, реставратор В.Г. Яковлев), Шапка Казанская (2020, реставратор В.Г. Яковлев), держава царя Михаила Федоровича (2020–2021, реставратор О.В. Коликов), скипетр Большого наряда царя Михаила Федоровича (2020–2021, реставратор В.А. Савилов), скипетр царя Петра Алексеевича (2021, реставратор В.А. Вычужанин), ковчег-мощевик Дионисия Суздальского (2021–2022, реставратор А.Н. Лобода), Шапка Алтабасная царя Ивана Алексеевича (2021–2022, реставраторы Н.М. Маресев, В.Г. Яковлев, Е.С. Мухер), Шапка Первого наряда царя Михаила Федоровича (2022–2023, реставратор Н.С. Яковлев), государственный меч с ножнами (2022–2023, реставратор А.Н. Лобода), наперсный крест царя Петра Алексеевича (2025, реставратор В.А. Вычужанин). Также прошли профилактику государственный щит (2011, реставратор Т.Н. Ващенко), Шапка Мономаха (2013, реставратор В.Г. Яковлев), корона императрицы Екатерины I (2024, реставратор В.Г. Яковлев), цепь Большого наряда (2025, реставратор В.Г. Яковлев).

Реставрация не только придала уникальным предметам экспозиционный вид и обеспечила необходимую для их сохранения консервацию, но и предоставила новые сведения о материалах, конструкции, технико-технологических особенностях памятников. В ряде случаев удалось исправить искажения конструкции и облика, возникшие в результате грубых чинков и попыток реставрации XIX–XX вв. В случае Шапки Казанской, как показала реставрация 2020 г. (реставратор В.Г. Яковлев), розетки верхнего ряда были прижаты к тулье проволокой, что не соответствовало их оригинальному положению. В настоящий момент они устремлены вверх с небольшим наклоном и, как третий венец, композиционно повторяют средний и нижний ряды более крупных пластин. При реставрации Шапки Первого наряда царя Михаила Федоровича в 2022–2023 гг. (реставратор Н.С. Яковлев) удалось выяснить, что касты изначально пронумерованы римскими цифрами с обратной стороны, что позволяло определить место для их крепления на тулье царского венца. Оказалось, что некоторые касты при позднейших чинках были смонтированы неправильно. Теперь они возвращены на свое первоначальное место.

Изучению коллекции регалий способствовали различные выставочные проекты, в связи с которыми издавались тематические каталоги. В частности, для выставки «Венчания на царство и коронации в Московском Кремле» (2013–2014) в Музеях Московского Кремля был подготовлен каталог в двух частях. Выставка «Легенды Кремля: русский романтизм и Оружейная палата» (2023–2024) была посвящена теме исторических

мифов и преданий, окружавших регалии, в том числе легенде о «мономаховых дарах».

Отдельного упоминания заслуживает принципиально новая, уделяющая особое внимание каждому памятнику концепция временной выставки регалий для планируемой экспозиции Музеев Московского Кремля в новом здании на Красной площади, 5. Разработанная научными сотрудниками отдела «Оружейная палата», она выстроена по тематико-хронологическому принципу и охватывает как период поставлений на великое княжение и венчаний на царство, так и эпоху императорских коронаций. Хранители коллекции государственных регалий принимали активное участие в подготовке концепции и тематико-экспозиционного плана.

Статьи исследователей, посвященные памятникам из коллекции регалий, неоднократно публиковались в тематических сборниках и выпусках научного издания Музеев Московского Кремля «Материалы и исследования». В 2018 г. вышел каталог собрания «Регалии российских государей и другие атрибуты великокняжеского и царского сана XIV–XVII веков», подготовленный Ириной Акимовной Бобровницкой и Мариной Васильевной Маргтыновой. Прекрасно иллюстрированное издание сочетает обзор историографии, тщательно продуманные атрибуции на основе анализа сведений источников, декоративных и стилистических особенностей памятников, сведения об истории создания, бытовании, конструкции, декоре и реставрации публикуемых предметов.

В 2019 г. был опубликован альбом «Государственные регалии Московского царства» на русском и английском языках. Макросъемка, осуществленная для этого издания фотографами-художниками Музеев Московского Кремля, воспроизводила многочисленные детали памятников. Для ряда проектов также создавались оцифрованные 3D-копии царских венцов, которые в качестве проекций и голограмм можно было представить на выставках вдали от стен Московского Кремля.

Подводя итог, можно сказать, что первая четверть XXI в. стала качественно новым и важным этапом в истории изучения и сохранения кремлевского собрания государственных регалий. С этим периодом связаны комплексная реставрация значительной части памятников, проведение первоклассной и детальной макросъемки их деталей, публикация каталога собрания регалий XIV–XVII вв., подготовка масштабных выставочных проектов и каталогов. Результаты, достигнутые по всем перечисленным направлениям работы, заложили основу для дальнейшего изучения уникальной коллекции символов власти, занимающей исключительно по своей значимости место в собрании Музеев Московского Кремля.

П.С. Смирнов

Музеи Московского Кремля

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ФОНД ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Доклад посвящен предметам из собрания Музеев Московского Кремля, поступившим в фонд орденов и медалей в 2016 г. В коллекцию фонда было передано 43 золотые медали и 62 орденов. За истекшие десять лет многие из этих памятников были представлены на кремлевских выставках. Все они после Октябрьской революции оказались за рубежом. Их приобретение стало не только знаковым пополнением собрания Музеев Московского Кремля, но и символическим возвращением этих артефактов на историческую родину.

Поступившие медали посвящены знаковым историческим событиям от правления императора Петра I до празднования 300-летия Дома Романовых. Изготовление медалей в золоте производилось исключительно по прямому распоряжению монарха: как правило, это были коронационные медали, наградные медали для конкретных лиц, а также медали для подарков иностранцам¹. Крайне редко, по особому распоряжению, подобные медали могли чеканить и для коллекционеров, как, например, для великого князя Георгия Михайловича, внука императора Николая I. Его коллекция, формировавшаяся с 1870-х гг., насчитывала 385 золотых медалей². После революции часть принадлежавших ему медалей попала в Гюхран, другая же оказалась за границей. Ряд медалей, поступивших в Музеи Московского Кремля в 2016 г., происходит как раз из коллекции великого князя. Прочие медали, отчеканенные с помощью штемпелей, вырезанных во время правления Екатерины II, вероятно, входили в состав других зарубежных коллекций или же являлись дарами самой государыни.

Среди орденов, поступивших в 2016 г., представлены награды Российской империи. Многие из них были изготовлены фирмами «Кейбель» и «Эдуард» в середине – второй половине XIX в.: это знаки ордена Святого Владимира, вручавшиеся за особые заслуги на гражданской и военной службе; знаки орденов Святой Анны и Святого Станислава, ставших массовыми орденами Российской империи. Это поступление иллюстрирует весьма сложную, но стройную дореволюционную наградную систему.

Некоторые из поступивших в 2016 г. орденов являются не только статусными наградными знаками, но и подлинными произведениями ювелирного искусства. Бриллиантовые орденские знаки, изначально изготавливавшиеся по личному заказу кавалера, после правления императора Павла I стали дополнительной, наивысшей степенью отличия². К такому относятся три знака ордена Святого Александра Невского, второго по значимости ордена Российской империи, и три знака ордена Святой Екатерины – высшего женского ордена. Особого внимания заслуживает знак ордена Святого апостола Андрея Первозванного, высшего ордена Российской империи, вырезанный из дымчатого кварца и украшенный сапфирами, бриллиантами и рубинами. Скорее всего, он был изготовлен во времена правления Екатерины II по ее личному заказу. Такое сложное произведение потребовало совместного труда множества именитых мастеров Алмазной мастерской. Фигура орла была вырезана Иоганном Егером⁴.

Ценность некоторых памятников заключается не только в искусном исполнении, но и в их исторической значимости. К таким предметам относится коронационная цепь и знак ордена Белого орла – польского ордена, причисленного к числу российских орденов в 1831 г. Поступившая в кремлевское собрание цепь была изготовлена в 1829 г. к коронации императора Николая I на престол Царства Польского. Примечательно, что технологические и художественные особенности цепи роднят ее с цепями ордена Святого Андрея Первозванного, произведенными примерно в то же время. Большой удачей является наличие специально изготовленного футляра. Футляры для орденских наград, особенно таких статусных, являются их неотъемлемой частью, однако, к сожалению, сохраняются крайне редко.

¹ См.: *Гаврилова Л.М.* Новые поступления в собрание золотых медалей Музеев Московского Кремля // Августейший нумизмат. Великий князь Георгий Михайлович. Судьба и наследие: материалы и исследования / ред. кол.: А.Н. Алексеев и др. М., 2020. С. 87–96.

² См.: *Краснов Р.В.* Памятные медали и жетоны великого князя Георгия Михайловича // Августейший нумизмат. Великий князь Георгий Михайлович. Судьба и наследие: материалы и исследования / ред. кол.: А.Н. Алексеев и др. М., 2020. С. 139.

³ См.: *Зимин И., Соколов А.* Ювелирные сокровища Российского императорского двора. М., 2013. С. 414.

⁴ См.: *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М., 2009. С. 224–225; *Гаврилова Л.М.* К истории комплектования собрания Музеев Московского Кремля: медали и российские императорские ордена в золоте и с драгоценными камнями // Московский Кремль XVIII столетия. Древние святыни и исторические памятники: сб. ст.: в 2 кн. / сост. и отв. ред. И.А. Воротникова. М., 2020. Кн. 2. С. 417–436.

А.Н. Чубинский

Музеи Московского Кремля

МУЗЕЙНОЕ ОРУЖИЕ И ВОССОЗДАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ

Среди предметов, хранящихся в музеях исторического профиля, оружие неизменно вызывает интерес посетителей. Для вооружения в наибольшей степени характерно такое базовое свойство музейного предмета, как аттрактивность – выразительность, способность вызывать эмоциональный отклик и будить воображение. К сожалению, теоретики музейного дела не сумели точно отделить это качество от других – экспрессивности, мемориальности и, наконец, информативности¹.

Наше исследование на материале оружия из Музеев Московского Кремля построено так, что коммуникативная ценность экспоната определяется эмпирически: его аттрактивность тем выше, чем чаще этот предмет реплицируется художниками, скульпторами, архитекторами и писателями.

Показательны в этом отношении посольские топоры², которые стали обязательными атрибутами царских телохранителей в русской живописи, в театральном искусстве и в кинематографе. Кроме того, черты посольских топоров угадываются в различных воинских арматурах, в том числе монументальных, в книжной и даже промышленной графике.

У русских художников чрезвычайно популярен уникальный шлем XV–XVI вв., «шапка с деисусом», который долгое время считался работой византийских оружейников³. Однако, кроме допустимого делегирования этого защитного вооружения былинному Добрыне Никитичу (В.М. Васнецов «Богатыри»), И.Я. Билибин⁴ и В.А. Фаворский⁵ присваивали этот шлем пешим воинам, что недостоверно и несоразмерно статусу этого парадного шлема.

Интересно, что в некоторых случаях наименее ценная часть музейного предмета может предоставить материал для реконструкции. К таким казусам можно отнести красные древки копий у древнерусских воинов на картинах многих художников. В настоящий момент на ряде древних копий и рогатин из собрания музея древки в действительности красные, крашенные охрой, но это поздние детали, появившиеся в музейный период их существования не ранее второй трети XIX в. Тем не менее традиция изображения русских копий на красных древках, лишенных

кистей и дополнительного «вооружения», стала неотъемлемой частью исторической живописи.

Один из наиболее ранних примеров использования памятников Оружейной палаты как исторических образцов относится к 1818 г. Хранящийся в Оружейной палате парадный шлем («шапка ерихонская») царя Михаила Федоровича⁶ был выбран в качестве образца для наголовья князя Д.М. Пожарского на одном из барельефов, украшающих постамент известного памятника скульптора И.П. Мартоса 1818 г. Скорее всего, автором эскиза шлема был А.Н. Оленин⁷.

В том же 1818 г. скульптор и медальер Ф.П. Толстой опубликовал альбом с двадцатью гравюрами, которые послужили образцами для знаменитой серии барельефов и медалей, посвященных победе России в Отечественной войне 1812 г. Считается, что образцом для шлемов изображенных русских воинов послужила также «шапка ерихонская» из Оружейной палаты. Однако большинство шлемов Ф.П. Толстого невозможно отнести к определенному историческому образцу или даже типу. А шлем легендарного Родомысла, изображенный на аверсе всех медалей серии, следует признать фантазией, несмотря на неоднократно высказывавшиеся мнения о «ерихонской шапке» царя Михаила Федоровича как источнике изображения⁸. Заметим, что левый науш шлема откинут вверх, отчего его можно идентифицировать как декоративную «антенну». В то же время один из шлемов Ф.П. Толстого, а именно относящийся к композиции медальона «Покорение Парижа», более всего вызывает в памяти относительно позднее защитное вооружение индо-иранского региона кула-худ (*Kulah Kbud*) – с приземистым куполом, высоким граненым шпилем, напоминающим копьец, и длинной бармицей.

Творец Александровской колонны Огюст Монферран поместил на ее пьедестале среди античного вооружения несколько предметов русского оружия. Они были скопированы «в самых точных снимках с тех образцов, которые хранятся в Оружейной палате». На одном из барельефов вверху изображена упомянутая выше царская «шапка ерихонская», существенно переделанная из турецкого парадного шлема в 1621 г. мастером Никитой Давыдовым⁹, ниже – парадный зеркальный доспех, изготовленный тем же Никитой Давыдовым в 1663 г.¹⁰ Интересно, что на момент размещения этих предметов на монументе не только О. Монферран, но и инициатор включения в арматуру русских доспехов А.Н. Оленин не могли предположить, что оба предмета выполнены одним русским оружейником. Ниже представлены еще два парадных шишака («шапки ерихонские»), причем левый из них является вторым воспроизведением наголовья царя Михаила

Федоровича работы Никиты Давыдова с несколько вытянутой тульей, а правый достаточно точно передает шлем из Оружейной палаты¹¹, который имеет ряд поздних русских деталей, но его основа определяется как изделие турецких бронников XVII в.

Возвращаясь к теме русских шлемов в живописи, все более удаляющихся от оригиналов, укажем «шапку ерихонскую» на полотне В.К. Демидова «Освобождение Москвы князем Пожарским и гражданином Мининым» (1836)¹². Это наголовье не позволяет установить непосредственный музейный образец, тем не менее на нем присутствует одна крайне интересная деталь, абсолютно непонятная вне нашего исследовательского контекста. На шлеме князя Пожарского справа от козырька и над правым наушом имеется небольшая пластина с абрисом киотца и синим фоном; скорее всего, на этой пластине подразумевается иконное изображение: над антропоморфной фигурой заметно полукружие нимба. Таким образом, в этом шлеме художник домысливает вышеописанную неясную деталь, похожую на антенну в виде откинутого вверх науша шлема Родомысла на медальоне Ф.П. Толстого.

Также невозможно указать конкретный образец шлема Дмитрия Пожарского на изображении, выполненном художником Л.П. Столыгво для комплекта открыток с портретами русских полководцев, который был напечатан большим тиражом в 1949 г. Более ответственно на этом изображении можно определить щит, в настоящий момент он находится в экспозиции Оружейной палаты в витрине с иранским вооружением¹³. Музейный источник для доспеха на корпусе князя Пожарского – кольчато-пластинчатое защитное вооружение, хранящееся в Историческом музее¹⁴. По мнению ряда исследователей, это единственный сохранившийся русский доспех, который в древности имел название «калантарь»¹⁵.

Помимо области «пластических искусств» музейные предметы вооружения воспроизводятся еще в одном качестве, как хранители «ономастической» памяти, носители исторических наименований, значение которых в современном языке утрачено. В этом плане собрание Музеев Кремля обладает уникальной особенностью: по меньшей мере с XVII в. помимо самих предметов в архиве Оружейной палаты хранились документы, описывающие и именующие эти предметы. Причем ни один другой музей не может подтвердить исторические названия своих оружейных экспонатов. К таким наименованиям относятся, например, «шапка ерихонская», «бармица», «зеркальный доспех», «пищаль» как ручное огнестрельное оружие, «рогатина» как особое подразделение копий. Неслучайно в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) в некоторых статьях имеются ссылки на информацию

о значении слов, полученную из музея: «сообщено из Оружейной»¹⁶. Относящаяся к военному делу историческую лексику, почерпнутую из документов Оружейной палаты, активно использовали в том числе русские писатели. Например, в известном романе А.К. Толстого «Князь Серебряный» имеется подробное описание воина XVI столетия: «Вооружение Вяземского было гораздо легче... он не захотел надеть ни зеркала, ни бахтерцов... предпочел им легкую кольчугу... вместо шишака на князе была ерихонка, то есть низкий, изящно выгнутый шлем, имевший на венце и ушах золотую насечку, а на тулье высокий сноп из дрожащих золотых проволок... сквозь полку шлема проходила отвесно железная золоченая стрела, предохранявшая лицо от поперечных ударов»¹⁷. Здесь мы видим, как старинная оружейная лексика столь же успешно оживляет художественное повествование, как изображения музейного оружия – полотна художников.

Итак, с одной стороны, музейное оружие из собрания Оружейной палаты обладает колоссальным ресурсом при воспроизведении исторической предметной среды. С другой стороны, иногда художники, дизайнеры, режиссеры и писатели черпают свои знания об историческом вооружении не напрямую, а через посредство музейных атрибуций (иногда ошибочных), ранних публикаций, художественных произведений. Лишь этим можно объяснить, что два шлема из собрания Оружейной палаты, наиболее «цитируемые» в отечественном искусстве и неразрывно соединившиеся с образом русского воина допетровской эпохи, имеют турецкое происхождение.

¹ Дужельский В.Ю. Музейный предмет // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 1. С. 405.

² Описание Московской Оружейной палаты. М., 1885. Ч. 4, кн. 3: Холодное оружие. № 5271–5278.

³ См.: Государева Оружейная палата. СПб., 2002. С. 40, 298–299, кат. № 1 (авт. оп. И.А. Комаров).

⁴ Сказка «Марья Моревна» / рис. И. Билибина. М., 1967. С. 3.

⁵ «Слово о полку Игореве» в гравюрах В.А. Фаворского. М., 1987. С. 99.

⁶ Об этом шлеме см.: Государева Оружейная палата. С. 58–59, кат. № 6 (авт. оп. И.А. Комаров).

⁷ Файбисович В.М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 279.

⁸ См. Волкова У.М. Некоторые особенности портрета императора Александра I, изображенного Ф.П. Толстым в образе Родомысла // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2018. Вып. 4. С. 219.

⁹ Подробнее см.: Чубинский А.Н. Доспехи, холодное и огнестрельное оружие работы мастера Оружейной палаты Никиты Давыдова // Историческое оружие: памятники, собрания, особенности исследования. М., 2022. С. 347–352.

¹⁰ Государева Оружейная палата. С. 104–107, 321, № 21.

¹¹ Файбисович В.М. Алексей Николаевич Оленин. Опыт научной биографии. С. 294.

¹² Чубинская В.Г. Произведения русских и западноевропейских живописцев XVII–XX веков: каталог собрания / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 2020. С. 188–189, кат. № 98.

¹³ См.: Описание Московской Оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3, кн. 2: Броня. № 5066; Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению: в 6 отд. М., 1849–1853. Отд. III. Табл. 70.

¹⁴ Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С. 63, табл. XII, 95.

¹⁵ Шиндлер О.В. Классификация русских корпусных доспехов XVI века // История военного дела: исследования и источники. 2014. С. 451–453.

¹⁶ Словарь Академии Российской: в 6 томах. СПб., 1789–1794. Т. 6. С. 827.

¹⁷ Толстой А.К. Князь Серебряный. Повесть времен Иоанна Грозного. М., 1892. С. 297.

Е.В. Щербина

Музеи Московского Кремля

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА: ИСТОРИЯ ОТДЕЛА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Известное всему миру наименование «Оружейная палата Московского Кремля» ведет свою историю с начала XVI в. Древняя кремлевская царская мастерская и хранилище государевых ценностей в 1806 г. передали свое имя первому публичному музею Москвы, сохранявшему его в названии вплоть до начала 1920-х гг. Однако в последующие несколько десятилетий оно ушло из названия как самого музея, так и его структурных подразделений, оставаясь в публичном представлении, по сути, обозначением здания с экспозицией определенной исторической коллекции, состав которой в действительности существенно изменился. Ныне существующий научно-хранительский отдел «Оружейная палата» ведет свою историю с 1987 г. и обеспечивает хранение, изучение и популяризацию экспозиции и 23 фондов музея. В фокусе данного доклада – отдел в его нынешнем виде в контексте его истории, которая вроде бы еще в «оперативной памяти», но постепенно ускользает, не будучи зафиксированной.

К 1917 г. собрание Оружейной палаты насчитывало чуть менее 10 тысяч произведений, находившихся в ведении двух хранителей. Состав коллекции соответствовал особому статусу музея, в основе которого – царская сокровищница. Подавляющее большинство предметов отличалось исключительно высокими качеством исполнения, мемориальной и исторической ценностью.

Революционные события привели к существенным изменениям в музее. При этом следует признать, что Оружейной палате всегда «везло» на работавших в ней специалистов, бесконечно преданных своему делу. Осенью 1918 г. музей перешел в ведение Наркомпроса после ликвидации Дворцового управления, но до весны 1919 г. в нем фактически оставалось лишь два сотрудника – хранители В.К. Трутовский и Ю.В. Арсеньев (скончался зимой 1918/1919 гг.). Только в марте 1919 г. начал формироваться новый немногочисленный штат: хранителем, а позднее заведующим музея был назначен М.С. Сергеев – искусствовед, бывший сотрудник Румянцевского музея. Летом того же года появились еще два хранителя: Ф.Я. Мишуков и В.Т. Георгиевский. К 1922 г. в Оружейной палате работало 18 человек, но с 1 июля 1922 г. в соответствии

с «категорическим» извещением Музейного отдела Наркомпроса штат был сокращен до 16 человек, а два сотрудника стали «временно состоящими сверх штата и не получающими содержания». Одним из этих двух «волонтеров» был В.К. Трутовский, хранитель Оружейной палаты с 1898 г., продолжавший работу в музее до 1924 г.

В докладе об итогах первых пяти лет работы Оружейной палаты после революции директор музея Д.Д. Иванов ярко и точно охарактеризовал обстановку тех лет¹. Одной из важнейших заслуг первого директора М.С. Сергеева, скончавшегося в апреле 1922 г., он назвал сохранение в Оружейной палате «драгоценного ядра служащих», охранявших музейные ценности, когда им самим «нечего было есть и нечем было накормить семью... когда отошавшие люди охраняли горы бриллиантов, в лохмотьях и с торчащими из обуви пальцами, спеша по утрам до службы с рассвета заняться ломкой кирпича или тасканием тяжестей, чтобы только как-нибудь пропитаться». В этих нечеловеческих условиях в Оружейной палате, в отличие от Гюхрана, «не дошло ни до массовых расстрелов за систематические хищения, ни до судебных процессов за единичные пропажи».

В октябре 1922 г. сотрудниками музея было разработано «Положение о Государственном Музее Декоративного Искусства Московского Кремля»². С этого времени начинается история Оружейной палаты как одной из структурных единиц музеев Московского Кремля. Спустя два года в состав музея вошли Музей мебели, Музей керамики (фарфора) и Музей игрушки, что привело к преобразованию названия учреждения, ставшего Объединенным музеем декоративного искусства в Москве, который официально перестал существовать в 1928 г.

До конца 1920-х гг. собрание Оружейной палаты³ выросло более чем в два раза (до 20 500 охранных номеров), но в то же время музей лишился 10 % своих «родных» предметов. В ходе существенного перемещения ценностей в первые послереволюционные годы коллекции музея, безусловно, пополнились многими уникальными произведениями, но в то же время в нем массово оказались и более рядовые предметы.

Трагический период в истории музея начался в 1930-е гг. Усиление тоталитаризма и репрессии фактически привели к гибели научного коллектива (к 1938 г. в штате не осталось научных сотрудников), а также к утрате самостоятельности музея. В марте 1932 г. «все музейные учреждения, находящиеся в Кремле»⁴, были переданы в ведение ЦИК СССР, а с апреля 1938 г. – в ведение Управления Комендатуры Московского Кремля (с 1947 по 1960 г. – на правах отдела).

Только в 1960 г. музеи Кремля были возвращены в ведение Министерства культуры СССР. В сентябре 1963 г. было утверждено новое «Положение о Государственных музеях Московского Кремля», которое определило их структуру и основные задачи. В это время собрание Оружейной палаты перешло в ведение двух разных отделов: «Оружейная палата» и «Фонды».

В конце 1987 г. утвержденная приказом Министерства культуры СССР новая структура Государственных музеев Московского Кремля зафиксировала создание единого научно-хранительского отдела «Оружейная палата», объединившего в себе экспозицию и фонды, который возглавила Е.В. Шакурова. В последующие годы им руководили еще 5 человек. В настоящее время в штате отдела 25 специалистов, из которых трое продолжают работу с его первых дней. Сегодня в ведении восемнадцати хранителей отдела «Оружейная палата» находятся более 53 000 музейных предметов.

С 1988 г. в отделе были сформированы 4 сектора: русского художественного металла, стекла и фарфора (позднее был разделен на сектор древнерусского художественного металла и сектор русского металла XVIII–XX вв.); зарубежного художественного металла; оружия и парадного конского убранства; тканей, шитья и костюма. Дополнительно была выделена группа нумизматики, позднее ставшая сектором нумизматики и фалеристики. В 2012 г. коллекция монет, входившая ранее в состав отдела «Оружейная палата», была перемещена в отдел археологии и нумизматики.

В 2014–2019 гг. коллективом отдела под руководством Е.А. Моршаковой были созданы концепция и тематико-экспозиционный план новой экспозиции Музеев Московского Кремля на Красной площади, д. 5, а также совместно с дизайнерами разработаны художественное решение и техническое задание к оборудованию семнадцати залов. В это же время велась работа по проекту фондохранилищ и их оснащению в новом здании.

В 2020 г. структура отдела была преобразована: появился сектор искусства Ближнего Востока (существовал до 2022 г.), сектор зарубежного искусства и единый сектор русского искусства, а входящие в их состав коллекции были частично перераспределены. Сектор тканей и сектор оружия и конского убранства остались в неизменном виде.

Активная научно-исследовательская деятельность сотрудников отдела нашла отражение в многочисленных публикациях статей, монографий, тематических каталогов, а также в издании более чем двадцати томов каталога собрания Музеев Московского Кремля. В 2024–2025 гг. в ходе подготовки к размещению данных в Государственном каталоге Музейного фонда РФ сотрудниками отдела были установлены сведения об источниках и времени поступления более чем 6 500 музейных предметов.

Важным направлением работы специалистов отдела является пополнение его фондов. За последние без малого 40 лет (с 1988 г.) в коллекции Оружейной палаты поступило более 5 500 произведений декоративно-прикладного искусства и оружия и еще более 7 800 предметов нумизматики (до 2011 г.). В 2025 г. хранители отдела внесли существенный вклад в разработку впервые создаваемого, системного и всеобъемлющего музейного документа – Концепции комплектования собрания Музеев Московского Кремля.

Научные сотрудники Оружейной палаты являются авторами и кураторами большинства выставок Музеев Московского Кремля.

¹ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1923 г. Д. 2. Л. 6–13.

² Там же. Оп. 1922 г. Д. 2. Л. 10–11.

³ Отдел «Памятники Кремля», в ведении которого находились кремлевские соборы и храмы (около 30 объектов), в то время вел отдельную музейную опись со своей нумерацией предметов.

⁴ ОРПГФ Музеев Московского Кремля. Ф. 20. Оп. 1932 г. Д. 2. Л. 1.

Издания Музеев Московского Кремля можно приобрести в музейных магазинах, расположенных в кассовом павильоне в Александровском саду, а также на территории Московского Кремля, тел. (495) 695-41-56.

Отдел по реализации сувенирной и печатной продукции
Музеев Московского Кремля,
тел. (495) 697-60-96.

Научное издание

**ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА.
220 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ**

**Тезисы докладов
юбилейной научной конференции
4–5 июня 2026 года**

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
109012, Москва, Кремль

Подписано в печать __.05.2026. Тираж 200 экз.

ООО «Новосибирский издательский дом»
г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
Телефон: (383) 299-29-80. E-mail: knigosibirsk@yandex.ru